

Абандон

Котов Сергей

Сергей Котов

Абандон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69482593

SelfPub; 2023

Аннотация

История про то, что в заброшенных промышленных, военных и прочих объектах творятся всякие странности, а некоторые люди могут там найти непонятные уникальные объекты.

Содержание

Локация 1. Пермский край, база хранения железнодорожной техники	4
Локация 2. Южный Урал, рудник	15
Локация 3. Подмоскoвье, позиционный район ПРО	27
Локация 4. Рязанская область, посёлок Курша-2	37
Локация 5. Москва, склад радиоактивных материалов завода «Полиметалл»	48
Локация 6. Забайкальский край, танковый полигон	66
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Котов

Абандон

Локация 1. Пермский край, база хранения железнодорожной техники

До полнолуния оставалось совсем немного времени. Идеальный момент для попытки, высчитывали его целых две недели. И вот мы на месте. Как обычно перед извлечением, у меня лёгкий мандраж. Получится – нет? Правильно ли посчитали? И самое главное: что мы вытащим, если всё-таки удача на нашей стороне?

Соня с виду спокойна. Её рыжие волосы в серебристом лунном свете стали сероватыми, будто она вдруг поседела с перепугу. Но бояться ей нельзя никак. И нервничать тоже. Среди наших поговаривают, что «медведи» часто используют вещества, чтобы достичь нужного состояния. Но моя «медведь» не такая; она никогда в жизни не притронется к дури. Ненавидит она это дело. И есть за что... кстати, правильно говорить именно «медведь», даже если речь идёт о девчонке. Назвать ту, что может залезть в никуда и вытащить в наш мир нечто материальное «медведицей» – оскорбление.

За такое по морде бьют. А то и ещё чего похуже. Почему таких, как она называют медведями? Хороший вопрос. Точно не знает никто – я проверял. Возможно, из-за сходства с медвежатниками – взломщиками сейфов, а, может, из-за того, что они на зиму «впадают в спячку»: ни одному медведю не удалось вытащить решительно ничего на свет в тех краях, где лежит снег. Наш промысел доступен только летом. И это одна из причин, почему я вообще втянулся в это дело. Ненавижу зиму.

– Линию чувствуешь? – шёпотом спросил я, не выдержав долгого стояния на месте.

– Сильно и отчётливо, – бесцветным голосом ответила Соня.

– Чего тогда стоим?

– Не знаю... что-то не то. Не как обычно.

– Что это значит? – я немного растерялся; мы вдвоём пережили уже с десятков извлечений и по праву считались очень опытной парой. Любые неожиданности для нас должны были остаться позади.

– Не знаю, говорю же, – ответила медведь с едва уловимым раздражением. И сделала шаг вперёд.

Я последовал за ней, по привычке «сканируя» окрестности. Чужое нескромное внимание могло испортить извлечение.

– Должно быть здесь, – я указал на одно из паровозных колёс. Оно замерло, скосив противовес, уже много десятиле-

тий назад. Странно: его обод, конечно, потемнел от времени, но ржавчины почти не было. Умели Когда-то сталь делать!

Над нами возвышалась громада паровозного котла; она казалась почти живым существом, с серебристой шершавой шкурой. Казалось, вот—вот покатый бок выгнется, обрисовывая рёбра, и мы услышим гулкий вдох...

— Узел? — с лёгким напряжением спросила Соня, подойдя к колесу вплотную.

— Узел, — согласился я.

— Он на месте.

Я тихо, с явным облегчением, выдохнул. Значит, не зря мы трудились две недели; не зря я ломал голову над таблицами и графиками, сводил интегралы и вычислял координаты в пространстве.

— Но с ним что-то... — напарница оборвала фразу, чуть нахмурившись.

— Что? — снова не выдержал я.

— Не знаю. Вроде бы всё на месте... но словно бы цвет другой. Понимаешь?

Вместо ответа я растеряно пожал плечами.

И в этот момент прямо перед своим лицом увидел сногискр! Звук выстрела дошёл до создания чуть позже — пару мгновений спустя.

Я молча потянул Соню на себя, прикрывая своим телом. На рефлексх бросился на рельсы, под защиту колеса. И тут — снова выстрел. Опять рядом рикошет с брызгами оранжевой

окалины! В паре сантиметров от моего плеча.

Потом снова стало тихо. Мы сидели возле колеса. Соню трясло – это вообще не очень хорошо – выбиваться из режима отслеживания эмоциональным потрясением.

– Ты как? – спросил я, стараясь унять дыхание.

Соня не ответила. Я только видел, как блестят её глаза в отсветах лунных отражений.

– Всё будет хорошо, – пообещал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно увереннее.

Очень осторожно, чтобы не задеть случайный камешек на пути, я развернулся и посмотрел в темноту, в сторону реки. Стреляли оттуда.

Перелесок и кусты. На первый взгляд всё привычно: спокойно и безопасно. И только приглядевшись внимательнее, я заметил движение.

– Арти... это взрыв был, да? – еле слышно произнесла Соня.

– Выстрел, – ответил я, – точнее, два выстрела.

– Ох, ты ж ё... – выдохнула она.

Тени под деревьями подбирались ближе. Я нащупал нож в специальном кармане штанов. Хороший нож, хоть и не дорогой. «Онтарио рэт». Полезная штука в походах... и единственное наше оружие.

Ребята рассказывали, что вроде у кого-тоуже были неприятности. На группу напали. Но тогда всё как-то быстро разругулилось на уровне государственных контор. Вообще, госу-

дарство нас всячески защищает и оберегает – пускай и не прямо. А ещё заботится о нашем инкогнито. Так обстоят дела не во всех странах, поэтому нас, русских, считают расслабленными...

«Вот и дорасслаблялись!» – недовольно подумал я, прикидывая, будет ли видно со стороны, если мы попробуем проскользнуть под защиту топки? Она довольно резко уходила вниз, чуть не до самых шпал.

На помощь бы позвать – да мобилы тут не ловят... надо валить, по-любому. Другого выхода просто нет.

– Сейчас мы туда, – я указал Соне на котёл, – я тебя прикрываю. Потом – до леса. Но не бежать! А то слышно будет. Я думаю, они сейчас нас не видят – луна им в глаза светит.

– Ясно, – кивнула Соня. Её голос звучал подозрительно спокойно. Словно она всё ещё была на линии.

– Ты чего? – ошарашенно спросил я.

– Оно будто сместилось.

– Куда?

Соня молча указала на топку.

– Поехали, – сказал я.

И мы двинулись под котлом.

Снова звук выстрела. Но теперь никаких искр я не видел – похоже, пуля ушла куда—то в лес, пролетев под котлом.

Но мы успели. Теперь от атакующих нас отделяла громада топки.

– В лес! – шепнул я. – Не стоять!

Ещё один выстрел. Теперь я видел вспышку. Нас окружили!

В панике я схватил Соню. Прижал к трапу для машиниста. А потом рванул вверх: кроме кабины машиниста и кунга, прятаться было негде.

Я осторожно выглянул из покрытого густой паутиной окна машиниста. Тут, в кабине, пахло прелой листвой и перегретым за день ржавым железом. Под ногами норовил хрустнуть какой-то мусор, поэтому я старался не двигаться лишний раз. Только достал нож из кармана. Почему-то так было спокойнее.

Их было трое. Теперь, когда они удостоверились, что мы в ловушке, они перестали прятаться. Один вышел из леса слева от путей, ещё двое – со стороны реки.

– Вылезайте! – крикнул один из них; парень, похоже, даже моложе меня. Может, лет восемнадцать. И откуда у таких стволы?..

Мы с Соней переглянулись. Я приставил указательный палец к губам.

– Ну давайте уже! Мы не хотим вас поранить! Поговорить надо!

– Чего стреляли тогда, раз вам только поговорить? – крикнул я в ответ.

– Это, чтобы вы не вытащили ничего лишнего! – ответил кто-то ещё. Мужик, судя по голосу. Взрослый.

– Оно здесь, – вдруг прошептала Соня, – я его чувствую.

– Вытаскивай! – шёпотом скомандовал я.

– Я... не могу!

Вот уж не думал, что Когда-то это услышу. Ещё не было случая, чтобы медведь упустил добычу тогда, когда смог её нащупать.

– Уверена?

– Словно держит что-то... я... не понимаю...

– Что мы не вытащили? – крикнул я, обращаясь к тем, кто нас окружил.

– Мы знаем, кто вы такие! – снова крикнул молодой, – спускайтесь уже!

Мы с Соней снова переглянулись.

– Нет! – крикнул я в ответ, – это вы сюда поднимайтесь! Тогда и поговорим! Если, конечно, вы, правда, поговорить хотите!

Последовала долгая пауза. Я слышал, как трое внизу шепчутся, но слова было не разобрать.

– Хорошо! – ответил молодой, – я поднимаюсь.

Я указал Соне на кунг, жестом велел спрятаться за перегородкой, слева от проёма, ведущего из кабины.

Он был в чёрном платке, который закрывал лицо. Только глаза сверкали. Пистолет тоже был при нём. Я не очень хорошо разбираюсь в огнестрельном оружии – но это был похож на те, которые показывали в наших сериалах про полицию.

– Та-а-ак, – протянул парень, целясь мне в грудь, – а где же наша медведица?

Я рефлекторно сжал кулаки.

– Ты ответишь за это, – сказала Соня, снова совершенно спокойным голосом.

– О, а вот и оно!

Парень двинул стволом. Теперь он целился в Соню. Та стояла, равнодушно глядя на него.

Я почувствовал, что он сейчас выстрелит. Не знаю как – просто понял в какой-то момент. Нас просто хотели убить. Причём Соню явно больше, чем меня. И заговаривали зубы, чтобы мы не попытались сбежать.

Время растянулось вязким гудроном. В отчаянии я рванул, щелчком выпустив лезвие ножа.

Я не думал о том, что сейчас сделаю. Я просто не хотел терять Соню. Во что бы то ни стало.

Со всей силы я воткнул нож в основание шеи парня.

Платок упал. Красивое, правильное лицо. Его даже боль исказить не успела. Только в глазах – бесконечное удивление.

Чавкающий звук – я достал лезвие. Подхватил тело. Глухие шлепки крови об пол в кабине. Железистый запах, от которого меня чуть наизнанку не вывернуло.

Закружилась голова.

– Эй! Что там? Я поднимаюсь! – обеспокоенный голос мужика снизу. Он, похоже, почуял неладное.

Я перехватил пистолет; вырвал его из слабеющих пальцев. Размышлял, хватит ли у меня духу застрелить двоих?

– Есть... – тихо произнесла Соня.

Я на автомате хотел переспросить – что именно есть?

А потом понял. Резко обернулся.

На руках у Сони сидело существо. Наверное, издалека и в лунном свете его можно было принять за кошку: такая же узкая мордочка, ушки торчком да огромные глазищи, отличающиеся зелёным.

– Ч... что это?

– Оно сидело там, – ответила Соня, пристраивая существо у себя на руках поудобнее.

– Эй! – снова крикнул мужик снизу. И я услышал, как он карабкается по лестнице.

Я отступил к Соне. Переложил нож в левую руку, правой взял пистолет и прицелился в сторону двери кабины. «Блин, у этой штуки же есть предохранитель! Этот парень хоть снял его? Скорее всего, ведь он собирался...»

Додумать я не успел. Показалась голова мужика, в таком же чёрном платке, закрывающим лицо.

– Какого... – произнёс он. Потом окинул взглядом сцену. Увидел распростёртое тело парня. Рванул к нему.

Увидев рану, мужик заревел как зверь. Рухнул на колени. Потом повернулся ко мне, доставая пистолет.

– Так просто ты не отделаешься, – прошипел он, игнорируя оружие у меня в руке.

– Мр-р-р? – неожиданно громко мурлыкнуло существо на руках у Сони, которое не было кошкой. Не могло ей быть.

– Что за... – успел произнести мужик.

Существо элегантно прыгнуло на пол кабины. Брезгливо потрясло задней лапой. Потом направилось к мужику.

– Эй! Брысь! – он сделал движение ногой, как будто пытался отогнать создание.

А потом оно поднялось на задние лапы. На меня дохнуло тёплым воздухом; мужик окутался каким—то мельтешением, будто попал в горячую струю.

Сдавленный вскрик. И то, что Когда-то было вооружённым человеком, рухнуло на пол бесформенной окровавленной грудой.

Существо остановилось на секунду. Облизало переднюю лапу. Потом деловито вернулось к Соне, снова прыгнуло ей на руки.

– Этого не может быть... – тихо сказал я.

– Знаю, – Соня погладила создание. То довольно муркнуло.

– Сердца не бывают... живыми!

– Знаю, – Соня пожала плечами; странно, что даже после извлечения она оставалась спокойной. Обычно у медведей бывает эмоциональный раздрай... а тут два трупа! Уверен, Соня никогда раньше не видела мёртвого человека. И почти никакой реакции.

– Арти, мне... странно. Я понимаю, что должна удивляться и испугаться, но не получается. Я просто знаю, что ничего плохого не произойдёт, и всё.

– Ладно, разберёмся, – кивнул я и добавил шёпотом, указывая в сторону двери кабины, – там третий внизу ещё.

– Его уже нет, – спокойно ответила Соня.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и всё.

Глянув наружу через борт кунга, я убедился, что напарница права.

– Он... сбежал? – осторожно предположил я.

Вместо ответа Соня неопределённо пожала плечами.

– Ясно... разберёмся, – повторил я, – пошли отсюда.

– Есть ещё одно, Арти... – сказала Соня, не двигаясь с места.

– Что ещё?

– Мы не должны сообщать о том, что я достала.

– Это ещё почему? – вот тут я действительно удивился. Всё благополучие нашей братвы строилось на том, что мы не прячем сердца.

– Потому что я не смогу его отдать, – ответила Соня. После чего улыбнулась и погладила существо, которое только что вытащила в наш мир.

Локация 2. Южный Урал, рудник

– Всё равно не понимаю тебя, – я покачал головой, – если почувствовала что-то не то – надо было прекращать. Просто валить по—быстрому. И всё.

– Сам говорил, что деньги кончаются, – Соня меланхолично пожала плечами, – ты три недели считал. Не лицемерь. Ты бы мне мозг выел.

– Можно подумать, сейчас с деньгами стало лучше...

– До встречи с куратором ещё неделя, – Соня улыбнулась и повернулась ко мне, – я в тебя верю! Ты хорош.

Я внутренне зарычал. Но сдержался. Она была права. Я действительно хорош в нашем деле. Возможно, лучший из наводчиков. По крайней мере, у нас в стране. Поэтому и решился на авантюру с паровозами. До меня сердце той стоянки пытались вычислить десятки раз. Тратили на это целое лето; Почему-то считалось, что именно там скрыто нечто особенно ценное. Но всё без толку.

Но сейчас я начал подозревать, что некоторые наводчики, из опытных, просто предпочитали не связываться с этой заброшкой. Наверное, чуяли что-то. Предпочитали силы не тратить. И правильно делали!

– Всё равно – это безрассудно! – снова заговорил я, скосив взгляд на Соню, – ты же совершенно не знаешь, что оно собой представляет! А что, если бы оно питалось свежими

младенцами?

– Бася – девочка, – устало вздохнула Соня, погладив за ушами кошкообразное существо, сидевшее у неё на руках, – и ты это прекрасно знаешь. Говоришь так специально, чтобы её обидеть. А она всё понимает, между прочим.

Я вздохнул.

– К тому же, обычный кошачий корм её вполне устраивает. А ещё, мне кажется, она может охотиться сама.

– Прекрасно! Толькодохлых крыс нам в палатке не хватало!

– С чего ты взял, что она захочет с тобой делиться? –фыркнула Соня.

– Нам придётся куратора обманывать, – заметил я, – впервые.

– Так уж и впервые? – Соня изогнула бровь.

– Тот случай не считается!

– Ну да. Конечно. Это другое.

– Всё, хватит. Мы почти приехали.

После очередного поворота грейдерный просёлок упёрся в тупик. Дальнейший путь преграждал отвал породы, уже поросший мелким леском. Его подножие было завалено старым мусором.

– Точно не хочешь в гостинице остановиться? – в Сонином голосе послышались умоляющие интонации.

– Точно, – твёрдо ответил я, разворачивая наш «Патруль» так, чтобы отвал закрывал машину со стороны дороги, – во

—первых, тут нет гостиниц, куда можно с животными. И, во—вторых, мы не знаем, кто за нами охотился. И какие у них возможности. Так что документы лучше лишний раз не светить.

— Ага. Ещё скажи, что мобилу вырубил! — ухмыльнулась Соня. Вообще смартфон был для неё больным местом. Медведям нельзя долго общаться со сложной электроникой, чувства забиваются. Перестают линии чувствовать.

Место ответа я продемонстрировал ей экран своего смартфона, указывая на значок режима полёта. Нужные карты для навигатора я скачал заранее.

Соня хмыкнула, но промолчала.

— Пошли, — сказал я, открывая дверцу.

— Далеко идти собрался? — спросила Соня.

— До штольни, наверное, — я пожал плечами, — в любом случае, не в этой же помойке палатку ставить?

— Ладно, — кивнула напарница, — хотя можно было бы в машине переночевать.

— Да ну нафиг, — отмахнулся я, — нормально выспаться невозможно. А мне нужна свежая голова.

Я открыл багажник, вытащил наши рюкзаки с запасами, палаткой и спальниками, и мы пошли в лес, по едва приметной тропе, которая, как я предполагал, вела ко входу в один из штреков рудника.

Всего метров через пятьсот мы оказались на лесной поляне, возле ручья, стекающего с гор. Тут было чисто и как-

то даже картинно благостно. Совершенно не похоже на привычный Урал.

– Здесь, – сказал я, сбрасывая с плеч рюкзак.

– Уверен? – переспросила Соня, но последовала моему примеру.

– Совершенно.

– Как-то тут слишком... – она вздохнула, пытаясь подобрать нужное слово.

– Спокойно? – предположил я.

– Ага. Спокойно. И красиво. Странно это.

– Да ну брось. Просто бывают такие места. Считаю, нам повезло. Помнишь, тогда, в Забайкалье? Тоже говорила, что слишком хорошо всё складывается.

– Ты про гнездо манула? – Соня прыснула, вспоминая ту забавную ситуацию.

Я не ответил. Вместо этого начал раскладывать палатку.

После нехитрого ужина, состоявшего из консервированной гречки с мясом и сладкого чая, я сел за расчёты.

Ситуация тут была гораздо проще, чем на кладбище паровозов. Мы специально выбрали такую цель, чтобы гарантировать добычу. Для риска возможностей не осталось: что-то нужно сдать уже через неделю, если не хотим остаться без денег. А жить взаймы я не привык.

Некоторые считают работу наводчиков слишком сложной и муторной. И где-то они, пожалуй, правы. Для расчётов нужны точность, внимательность и усидчивость. Со сторо-

ны может показаться, что мы мучаемся, высиживая по двенадцать часов над таблицами и дифференциальными уравнениями. Но это только если не вникать в нашу работу достаточно глубоко. Потому что, на самом деле, чувство разгаданной тайны, вычисленного пути неведомого – это ни с чем не сравнимый кайф. И да, я считаю, что часы, проведённые за скучными расчётами, того стоят. Да и скучными их можно назвать только условно. Вычисляя линию, нужно брать в расчёт множество факторов: астрономические, физико—географические, биологические, а иногда даже фольклорно—демографические. Подо всё это хозяйство нужно найти источники данных, перепроверить их, скорректировать, привести к единому стандарту таблиц. Потом решить уравнения. И найти линию с узлами, ту единственную, которая может привести медведя к добыче.

Это увлекательно – искать линию. Настолько, что забываешь обо всём окружающем. Вот и сейчас я вернулся в реальность скучного материального мира, только когда Соня аккуратно коснулась моего плеча.

– Арти, – прошептала она.

– Что?.. а, да. Всё в порядке. Я вычислил, – ответил я.

– Хотела тебя ещё репеллентом побрызгать. Комары тут – хуже, чем в Сибири. Безбашенные какие-то.

– Спасибо! – ответил я. Руки тут же зачесались. Да, нужно было хотя бы футболку с длинным рукавом надеть...

– Между прочим, уже за полночь, – заметила Соня, – и

небо тут красивое.

Я посмотрел наверх. Она была права – россыпь звёзд и Млечный путь смотрелись впечатляюще.

– Надо камеру завести, – в очередной раз вздохнул я, – таймлапсы делать. В таких местах бываем!

– Ты каждый раз грозишься, – усмехнулась Соня, – и каждый раз находятся траты поважнее.

– Зато в прошлом сезоне на «Патруль» накопили! – парировал я.

– Молодец, – кивнула напарница, – возьми конфетку с полочки.

«Патруль», конечно, был далеко не новым. И ещё пришлось капитально вложиться, чтобы привести внедорожник в порядок. Зато теперь, с перебранной ходовой, с ухоженным кузовом, оклеенным матовой серой плёнкой, он по-настоящему стал нашим вторым домом. Точнее, первым. Родительские жилища ни я, ни Соня давно домами не считали.

До «Патруля» у нас был «Джимми». Неплохая машинка для наших целей, но очень уж маленькая. Свои задачи выполняла, но намучались мы с ней в дальних перегонах, что и говорить. В крайних случаях в ней даже поспать нормально невозможно – в отличие от «Ниссана», где багажник мог превращаться в прекрасное спальное место при сложенных задних сиденьях.

Можно было и сейчас заночевать там. Но я не хотел рисковать – после происшествия с паровозами можно ожидать

всего, чего угодно.

– Давай спать, – предложил я, чихнув из-за репеллента, которым Соня щедро меня обрызгала.

– Давай, – кивнула она, забираясь в палатку, – вон, уже рассвет скоро. И действительно, на востоке, над горами небо уже начинало светлеть. Жарко будет, не поспишь толком.

– Жара – не холод, – заметил я, – пережить можно.

– Тоже верно.

Я тоже забрался в палатку. Установил противомоскитную сетку у входа и лёг на свою сторону надувного матраса.

– Спокойной ночи, – сказал я.

– Хороших снов, – ответила Соня.

Если бы мне кто-то пару лет назад сказал, что я буду спать в одной палатке с симпатичной девчонкой и ничего такого при этом происходить не будет – я бы покрутил у виска и посмеялся. Однако отношения между наводчиком и медведем – дело особенное. Соня мне ближе, чем сестра. Мы слишком сильно чувствуем друг друга, чтобы лишиться этой степени восприятия из-за какого-то банального секса. У нас иногда бывают интрижки на стороне. Но не слишком часто. Это странно, но наши высокие отношения, не допускающие физиологической близости, не отменяют ревности. Или того, что похоже на ревность. Когда Соня с кем—то – я слишком волнуюсь за неё, чтобы принять это спокойно. Для меня непереносима мысль, что Когда-то она сможет влюбиться. Захочет семью. Это будет означать конец нашего промысла.

Один из распавшейся пары крайне редко находит себе нового напарника. А я уверен, что самые главные сердца в нашей карьере ещё впереди.

На матрасе между нами спало неизвестное существо, похожее на кошку. Я пока не мог понять своего эмоционального отношения к ней. Похоже, это тоже была ревность. Если честно, я втайне надеялся, что она пойдёт ночью на охоту. Проникнется вольной жизнью и решит от нас уйти. Соня, конечно, будет расстроена – но ничего, со временем придёт в себя. Зато это лучший выход для всех нас, как мне казалось в то время.

Засыпая, я думал о том, есть ли заброшки на других планетах? Или звёздах? Интересно, какие сердца можно найти в сооружениях погибших цивилизаций? Так, фантазируя, я провалился в сон. И, кажется, мне снилось что-то очень хорошее, потому что проснулся я в отличном настроении и полной уверенности в том, что сделанные накануне расчёты абсолютно верны.

Во время завтрака Бася, получив свою порцию тушёнки, неожиданно подошла ко мне и ткнула мордочкой в колени.

– Чего это она? – спросил я Соню.

– Не знаю, – ответила та, улыбаясь, – наверное, хочет отношения наладить.

Я осторожно протянул руку и почесал её за ухом. Бася улыбнулась в ответ самым натуральным образом, продемонстрировав крепкие белые зубы и раздвоенный фиолетовый

язык. Если бы не последняя деталь – её вполне можно было принять за кошку.

– Вот и что нам с тобой делать, а? – риторически спросил я.

Бася решила ответить: вытянула шею и издала гортанный вибрирующий звук, со сложной модуляцией.

– Не понимаю я по—вашему, – улыбнулся я, снова почесав её за ухом.

Бася ещё что-то буркнула, потом элегантно, по—кошачьи, развернулась и направилась обратно к Соне.

Когда мы собрались, Бася уверенно, как по сигналу, запрыгнула Соне на шею и улеглась на манер воротника.

– Ты, что, хочешь её взять с собой? – спросил я немного растеряно.

– Конечно, – кивнула Соня, – одной в лагере ей будет неуютно и страшно.

– А—а—а... проблем с поиском линии не будет?

– Нет, – Соня улыбнулась и чуть мотнула головой, стараясь не потревожить Басю, – скорее, наоборот. Она стабилизирует. Как якорь.

– Круто, – сказал я, хотя не очень понял, что Соня имела в виду. Но переспрашивать благоразумно не стал.

До места добирались больше часа. Вход в штольню найти было не просто: похоже, его специально замаскировали от нескромного внимания, сделав перед ним насыпь из материала для забутовки и закидав дёрном. Спустя годы, насыпь

слилась с окружающим пейзажем.

В итоге я чуть не провалился в щель перед входом, когда продирался через кусты, чтобы встать точно по координатам, забитым в смартфон.

Внутри было прохладно и сыро. Несло плесенью. Нормальное дело для подземелий. Свод в штольне был овальный, его поддерживали деревянные крепы, которые совсем не выглядели надёжно. Какие-то из них даже успели подломиться и продолжали стоять только благодаря стяжкам из ржавых железных полос.

Тут была проложена узкоколейка. Правда, сами рельсы проржавели и едва ли могли быть использованы по назначению.

– Чувствуешь? – спросил я, сужая луч фонарика, чтобы осветить вглубь штольни.

– Ясно и отчётливо, – ответила Соня.

– Идём тогда, – кивнул я и первым двинулся вперёд, осторожно ступая по деревянным шпалам, от которых всё ещё едва уловимо пахло креозотом. Наверное, благодаря этому они до сих пор не сгнили в пыль.

– Тут узел, – сказала Соня метров через пятьдесят.

– Всё верно, – подтвердил я после небольшой паузы, сверившись с записями.

– Могу попробовать отсюда.

– Не нужно, – я отрицательно помотал головой, – впереди, недалеко, есть более надёжное место.

И мы двинулись дальше.

Штольня, несмотря на явные признаки заброшенности, сохранилась на удивление хорошо. А если учесть, что ей пошла вторая сотня лет, так и просто отлично. Даже масляные фонари под потолком кое—где покачивались. Конечно, в обычных условиях она бы не продержалась так долго; исчезла бы после серии обвалов, разграбленная подчистую. Рельсы бы точно вынесли. Но тут было сердце. А такие заброшки живут куда дольше — до тех пор, пока не придут такие, как мы.

— Достаяю, — спокойно сказала Соня.

Куда быстрее, чем обычно!

— Осторожнее только! Прекращай, если почувствуешь... — я хотел сказать, если «почувствуешь жидкость». Такое редко, но бывает, особенно в подземных заброшках, когда на медведя и его напарника выливается, скажем, сотня литров вина. Или нефти. Или даже крови. Что поделать — природа сердца дело непредсказуемое.

Но предупреждение оказалось излишним.

Соня протянула руку в пустоту, особенным жестом, будто вытягивая что-то. Сначала я увидел, как в луче фонарика блеснуло нечто жёлтое.

— Тяжелое, блин, помощи! — крикнула Соня.

Я бросился к ней. Но вовремя сообразил, что происходит, и вместо того, чтобы пытаться удержать извлекаемое сердце, схватил напарницу за талию и потащил её в сторону, просле-

див, чтобы Бася не упала с её шеи.

Как только я сделал это, пещера наполнилась металлическим грохотом. Поднялась пыль. Я закашлялся.

Через пару минут, когда пыль немного улеглась, мы смогли разглядеть нашу добычу.

Дорога вглубь штольни была перекрыта полностью. Хорошо, что я сообразил отпрыгнуть в сторону выхода! Иначе мы были бы заблокированы, и пришлось бы искать другой выход – надеясь, что он существует.

– Это... что? – растерянно спросила Соня, указывая на груды слитков.

– Не знаю пока, – я опустился на одно колено и подобрал ближайший слиток в форме «кирпича», какие обычно показывают в фильмах, где есть банковские хранилища. Только на этом не было никаких клейм. Слиток был холодным и довольно тяжёлым, – но похоже на золото.

– Серьёзно? – ошарашенно спросила Соня.

– Серьёзно, – кивнул я.

– Твою ж... сколько здесь?

– Несколько тонн, думаю. Как минимум.

– Обалдеть!

– Это мягко сказано.

– Что делать будем?

– Думать, – ответил я, – для начала мы всё хорошенько обдумаем.

Локация 3. Подмосковье, позиционный район ПРО

Вторую встречу куратор назначил вблизи одного из запретных для нас объектов. Да, такие тоже были, это жизнь, и романтика профессии тут ни при чём. Скорее всего, запрет был наложен из-за возможной природы сердца.

Жёсткой связи между «прижизненным» предназначением заброшки и содержанием сердца нет. В любом месте можно вытащить всё, что угодно. Но есть игра вероятностей. По статистике выходило, что связь всё-таки есть, пускай и косвенная. Например, в заброшенной больнице куда больше шансов получить лекарство, несколько литров крови или опасный патоген, чем, скажем, золото или бочку бензина. Хотя, повторюсь: в нашем деле всегда есть место сюрпризам.

Мы стояли на потрёпанном непогодой крыльце жилого пятиэтажного дома в бывшем военном городке, недалеко от пусковых установок старой системы ПРО. Искать сердца тут было строжайше запрещено.

Это уже вторая встреча с куратором. Вчера мы просто пересеклись на одной из песчаных дорог на карьерах в Воскресенском районе. Тоже знаковое место, Когда-то тут был один из самых знаменитых абандонов региона. Тут стояли заброшенные экскаваторы – абзетцеры, добывавшие в открытых

карьерах то ли кварцевый песок, то ли апатиты. Я не вникал.

Сердце не могли найти долго, хотя каждое лето десятки пар пытались. И вот, пять лет назад одной паре очень сильно повезло. Говорят, они нашли какое-то технологическое изделие. Огромная удача. Вроде как после этого случая разработка высокотехнологичных оборонительных систем в нашей стране сильно продвинулась... но это слухи, конечно. Прямо о таких вещах никто и никогда не расскажет.

Вчера куратор забрал у нас образец сердца и назначил новую встречу. В противоположной стороне региона.

Конечно, он не просто так выбирал места для встреч. Каждый раз это были тонкие намёки, которые стоило принять во внимание, если есть желание и дальше пользоваться покровительством разных структур, которые легко решают проблемы, скажем, с местными властями в любом регионе, и крайне оперативно.

Место громкой удачи наших коллег и запретное место... что ж, намёк понятен. Но делать нечего – мы уже встали на скользкую дорожку сокрытия результатов поиска. Теперь остаётся только играть до конца, уповая на то, что ни одна секретная контора не бывает всемогущей и всезнающей.

– Это чистое золото, – безо всяких предисловий начал куратор, – проба четыре девятки. Как в лучших хранилищах.

– Офигеть, – Соня изобразила вежливое удивление. Я промолчал.

– Объём извлечённого – около трёхсот тонн, – продолжал

куратор, — точнее определим, когда всё достанем и занесём в каталог.

Тут даже меня проняло. Я думал, ну тонна — две... а тут — триста! И что теперь с нами сделают? Поменяют правила? Или... о другом варианте думать не хотелось — мы беззащитны перед машиной, которую представлял куратор.

— Все договорённости остаются в силе, — продолжал он, глядя своими выцветшими серыми глазами куда—то в даль; вообще он выглядел удивительно неказисто для представителя такой могущественной структуры: рост ниже среднего, узкие плечи, лысина, мышиного цвета волосы... но стоило ему заговорить — внешность словно стиралась, и перед слушателем будто предстала могучая сила, вроде как воплощение природной стихии, перед которой следовало приклоняться и с которой ни в коем случае нельзя спорить. Как подобные куратору это делали — понятия не имею. Наверно, их специально учат.

— Пойдите... но это значит... — пробормотала Соня.

— Это значит, что при желании вы можете отойти от дел и до конца жизни вообще ничего не делать. Если, конечно, не влезете в какую—нибудь историю с мошенниками и разводами. Но мы будем рядом, если что. Нам не выгодно, чтобы кто-то вдруг обидел таких, как вы. Наоборот — нам выгодно, чтобы вы стали легендами.

Мы с Соней переглянулись. В её взгляде было мало радости. Скорее, там был страх. Мы достаточно давно работали

вместе, чтобы я мог прочитать: «Не бросай меня! Только не это. Не сейчас». И я на это ответил, так же беззвучно, уверенным взглядом: «И в мыслях не было».

– Вы сказали – при желании, – сказал я.

– Конечно, – кивнул куратор, – нам выгодно любое ваше решение. Такая удачливая пара в полях нам тоже нужна. Больше того, продолжите в том же духе, и мы предложим вам зимний контракт в южном полушарии. Там будет чуть меньше свободы, чем внутри страны. Сами понимаете, безопасность.

– Я слышал, как работают зимники, – сказал я, – и ничего не имею против.

– Вот и отлично, – куратор усмехнулся, – деньги на ваш счёт уже поступили.

– Спасибо, – кивнул я и уже собрался было уходить, радуясь, про Пермь речь так и не зашла.

Но радовался я рано.

– Вы пытались взломать паровозы, верно? – сказал куратор нейтральным тоном, всё так же глядя в даль.

Я усилием воли подавил желание взглянуть на Соню. Любое лишнее проявление эмоций сейчас могло быть фатальным.

– Да, – вздохнул я, расстроенно скривившись и стараясь не переигрывать, – пытались.

– Ясно, – кивнул куратор и снова замолчал.

– И снова будем в следующем сезоне, – идеально—спо-

койным голосом сказала Соня, – мы лучшие. Мы её взломаем.

– Не взламаете, – ответил куратор.

– Вы же сами сказали, что мы достойны зимнего контракта, – возразил я, добавив в голос самую капельку раздражения, – у нас достаточно опыта, чтобы не сдаваться.

– Не взламаете, потому что там взламывать нечего, – куратор неожиданно повернулся и посмотрел мне в глаза; я ощутил, как волосы шевелятся на затылке. Это было неожиданно. Казалось, он видит меня насквозь, будто рентген. Но доли секунды хватило, чтобы я взял себя в руки и продолжил игру.

Я посмотрел на Соню. Она была великолепна: в её глазах стояли самые настоящие слёзы. Я подошёл к напарнице и обнял её.

– Нас... опередили? – севшим голосом произнесла Соня.

– Похоже на то, – кивнул куратор, – но не спешите печалиться по этому поводу. На месте нашли два трупа. Причём один убит очень, скажем так, весьма экзотическим способом.

– Опять сектанты? – сообразил вставить я.

– Не совсем, – куратор покачал головой, – если только они не отрастили когти как у росомахи и бритвенно-острые клыки.

Мы с Соней переглянулись, изображая растерянность.

– Не понимаю, – сказал я, – нападение зверя? Медведя?

– Не медведя. Это точно. Мы не знаем, кто это был.

– А что они нашли? – вмешалась Соня. Я обругал себя последними словами – это первый вопрос, который следовало задать! Если бы мы вообще не спросили об этом, случилась бы катастрофа.

Куратор внимательно посмотрел на неё.

– И этого мы тоже не знаем.

– Их... ограбили? – предположил я.

– Возможно, – кивнул куратор.

– Для чего вы нам это говорите? – спросила Соня.

– Когда вы там были? – куратор проигнорировал её вопрос.

– Так... – я наморщил лоб, делая вид, что вспоминаю детали, – восемь... нет, девять дней назад. Точнее, ночей.

– Точно помнишь?

– Конечно. Я же вычислял линии по фазам, – уверенно ответил я.

– Ясно. Будем считать вам повезло. Разминутись на сутки.

Я взял Соню за руку и сжал её ладонь. Эта небольшая ложь должна была сработать – мы были на месте три дня. За сутки до извлечения я выключал телефон, чтобы не мешать Соне настраиваться. По биллингу всё должно совпадать.

– Но вот какой вопрос, – продолжал куратор, обманчиво—расслабленным тоном, – что вы видели, когда были на месте? Нам нужны зацепки. Мы не можем оставить это происшествие без внимания.

Я снова нахмурился и потёр лоб. Сейчас мы шли по тонкому льду – сыграть нужно предельно убедительно. Был соблазн добавить какую-то деталь, которой не существовало на самом деле, но которая придавала бы правдоподобности нашему рассказу. Многие люди так поступают. И прокалываются на этом.

– Нет, ничего, – я покачал головой, – совершенно. Всё как обычно было. Ну, насколько можно судить по заброшкам такого уровня.

– Ясно, – ответил куратор ледяным тоном.

– Надеюсь, вы найдёте тех сволочей, – сказала Соня.

– Не сомневайтесь. Но пока вот что. Дело, конечно, ваше – но я бы советовал сделать перерыв. На пару недель хотя бы.

– Думаете, за нами тоже охотятся? – в Сонином голосе звучала настоящая тревога.

Куратор не ответил. Вместо этого он спрыгнул с крыльца и, не оглядываясь, пошёл к торцу здания, где был припаркован его внедорожник. Аудиенция была закончена.

Ближе к вечеру пришло уведомление в банковском приложении. От количества нулей перехватило дух – хоть я и ждал таких цифр.

Мы гуляли по набережной в Музее. Я по привычке разглядывал дома на том берегу – жилые, в пару этажей, с немыслимой стоимостью квадратного метра. Было очень непривычно осознавать, что теперь я могу это купить. Сде-

лать ремонт, жить возле Кремля, ходить по дорогим ресторанам и на крутые закрытие вечеринки... как раз в этот момент по реке прошла частная яхта. На борту играла музыка, за закрытыми занавесками основного салона плясали тени...

– Пришли? – вопрос Сони вывел меня из ступора.

– Ага, – кивнул я.

– У меня будет одна просьба, – продолжала напарница.

– Да? – насторожился я.

– Купи мне мороженое, – она указала на ближайший ларёк, где продавали это лакомство.

– Конечно, – кивнул я, – ты какое будешь?

– Обычный пломбир. В стаканчике.

Мы подошли к ларёчнику, выстояли небольшую очередь. Я рассчитался за две порции – пломбир для Сони и эскимо на палочке для себя.

– И ещё кое-что, – сказала Соня, разворачивая обёртку.

– Что? – спросил я, не ожидая подвоха.

– Я хочу купить квартиру.

От неожиданности я чуть не выронил мороженое.

– Не для себя, – продолжала напарница, – для матери.

– Вот как... – сказал я растеряно, – я думал, вы не общаетесь.

– Мы не общаемся, – ответила Соня, – но я не люблю чувствовать, что кому-то что-то должна.

– Слушай, мы обсуждали это много раз, – сказал я как можно более мягким голосом, – это вообще нормально...

– Стоп! – Соня вытянула вперёд руку, перебив меня, – вот только не надо мне морали от пацана, который полгода вообще скрывался от родителей. Которые к тому же его искренне любят!

– Да, но странную любовью... – ответил я.

– Нормальной, – уверенно ответила Соня, – это лучше, чем...

– ...по—твоему отдать единственного сына в кадетку, не спросив его желания – это нормально?

– Всё равно ты сбежал, – Соня пожала плечами, – и мстил, как мог. Даже ухо проколол и татуху сделал, чтобы уж наверняка не упекли, – она прыснула.

– Да что ты вообще знаешь! – возмутился я. – Это не просто так!

– Знаю—знаю, – продолжала Соня, – единственный сын у матери. Казак, блин!

Я вспыхнул. Хотел сказать что-то обидно—язвительное, но потом вдруг успокоился. Права она была. Теперь тот детский бунт казался мне совершенно несерьёзным. Родители ведь действительно мне добра желали. Откуда им было знать, что в следующие годы столько всего произойдёт?..

– А спорим, не подерёмся? – спросил я нарочито серьёзным голосом.

Вместо ответа Соня стремительным движением ткнула стаканчиком с подтаявшим мороженым меня в нос.

Покорно вздохнув, я вытерся ладонью.

– Ладно, – сказал я, – что за квартиру ты присмотрела? – я кивнул в сторону домов на том берегу реки, – это?

– Что? – Соня сначала не поняла, а, сообразив, отрицательно помотала головой, – не—е—ет, что ты! Я хочу выкупить нашу старую двушку. Которую мы продали, когда отец ушёл, чтобы было на что жить.

– Уверена? – спросил я, – нам придётся ходить, общаться с хозяевами... смотреть на это. Оно тебе надо?

– Надо, – твёрдо кивнула Соня, – это та мечта, которую я не думала Когда-то реализовать. Нет, я, конечно, была уверена, что разбогатею – но слишком поздно, чтобы это что-то решило. А оно вон как вышло...

– Ясно, – кивнул я, – значит, сделаем.

– Я нашла агентство, которое занимается необычными заказами. Они готовы пообщаться с хозяевами.

– И когда успела? – удивился я.

– Пока ты утром дрых, – Соня пожала плечами, – взяла наш ноут.

– Ясно, – повторил я.

– А теперь про тебя, – Соня улыбнулась, – чего ты хочешь?

Я посмотрел на ещё одну роскошную яхту, которая шла по реке. И улыбнулся в ответ.

Локация 4. Рязанская область, посёлок Курша-2

Солнце красным шаром клонилось к закату. Звенело комарьё, которого тут были тучи. Лес поредел. Было много сухостоя. Под ногами начинало хлюпать.

– Слушай, пошли уже обратно, – в очередной раз предложил я, – ну глупая затея, в самом деле...

– Ты сам хотел поскорее из города свалить, – Соня невозмутимо пожала плечами; Бася на её плечах глянула на меня с неодобрением. Я нахмурился в ответ.

Удивительное дело, но к ним двоим комары не приближались. Хотя репеллентом они не пользовались – Бася устроила настоящую истерику, когда я попытался обработать хотя бы Сонину одежду.

– Конечно, – согласился я, – ещё пара дней – и всё, меня можно было бы списывать.

– Это потому что пить надо меньше, – съязвила Соня.

– Если не пить – то не так весело... – вздохнул я.

– Тоже верно, – неожиданно согласилась напарница, – но видел, вот моя маман завязала, оказывается. И ты сможешь. Я в тебя верю!

– Да ну тебя!

Мы прошли ещё метров десять. Тут начиналось уже настоящее болото. Под ногами не просто хлюпало; я чувствовал, как движется вниз пласт торфа, будто дышит.

– Всё, стопэ! – твёрдо скомандовал я, – дальше нельзя. Не пройдем.

– Глянь туда, – Соня выпрямилась и указала рукой на запад, туда, где солнце касалось леса.

Я пригляделся. И впрямь – за небольшой то ли прогалиной, то ли поляной виднелась печная труба. Можно было разглядеть даже остатки каменного сооружения вокруг.

– Не очень впечатляет, – я пожал плечами.

– Чую, там что-то ещё есть, – ответила Соня, – надо понять, как попасть туда.

– Давай вернёмся утром, – предложил я, – дорогу я запомнил.

– А что, если это оно? – тихо, почти шёпотом, произнесла Соня.

В ответ я рассмеялся.

Напарница обижено надула губы.

– Ну, серьёзно, – сказал я примирительным тоном, – не тянет оно на Блуждающую Церковь. Да и место не то. Мы уже не в Подмосковье даже.

– Уверен? – Соня удивлённо подняла бровь, – вроде, только что Егорьевск проехали.

– Это только что было больше сотни километров назад, – хмыкнул я, – да, уверен. После Егорьевска были Спас—Кле-

пики. А это уже Рязанщина.

– Ясно, – кивнула Соня и вздохнула, оглядывая лежащую перед нами топь.

– Кажется, вон там пройти можно, – сдался я; слева от предполагаемой заброшки я увидел полосу леса, которая почти доходила до тропы, по которой мы вышли к урочищу.

– Точно! – обрадовалась Соня. И тут же двинулась вперёд.

– Стемнеет же! – заметил я.

– И когда это нас останавливало? – возразила напарница. Я не нашёлся, чем на это ответить.

Когда мы добрались до бывшего посёлка, на небе уже высыпали первые звёзды. Уже на подходе я почуял неладное. А когда включил фонарик окончательно уверился в своих подозрениях.

– Валим отсюда, – сказал я.

– Это могила, да? – сообразила Соня.

Могилами у нас называются особые разновидности заброшек, которые возникли после катастроф с человеческими жертвами. Нормальные поисковики по таким местам не лезут – это чревато очень крупными неприятностями.

– Ага, – кивнул я, – и большая, судя по всему.

– Насколько большая? – спросила Соня и добавила, имея в виду число погибших, – десятки? Или под сотню?

– Сложно сказать, – я обвёл фонариком видимые строения бывшего посёлка, – как бы не больше... мне кажется,

под тысячу!

– Да ну камон... – неуверенно возразила Соня, – тысяча. Про такую катастрофу было бы известно! Это бы в учебники попало! Помнишь, в том поезде, который в газовое облако заехал? Там вроде меньше людей погибло – а помнят до сих пор.

– Ты сама—то что чувствуешь?

Соня остановилась. Прикрыла глаза. Через секунду широко распахнула их и спряталась за мою спину. Бася на её плечах напрягилась и распустила хвост.

– Валим отсюда, – Соня повторила мои слова.

Я развернулся и пошёл обратно, стараясь ступать по уже проторенному пути. И тогда, когда уже казалось, что опасность позади, луч моего фонарика вдруг упёрся в обугленную кирпичную стену, всего метрах в пяти от нас.

– Блин... – вырвалось у меня.

– Я не помню, чтобы мы это проходили, – сказала Соня, переходя на шёпот.

– Я тоже, – ответил я.

– Ну слушай, не у всех же таких мест есть стражи, да? Бывает и такое, что они просто... ну, скрываются... зарастают...

– Я бы хотел тебя успокоить, – ответил я, – но нечем. Говорят, как раз обратное. В таких местах стражи есть всегда. Другое дело, что не всех они трогают.

– Мы вроде даже войти не успели...

– Мы – поисковики, – спокойно, но твёрдо возразил я, – стражи таких не пропускают.

– Ох... Арти, я – такая дура... – прошептала Соня.

– Выберемся – подумаем над своим поведением... – ответил я, – так, закат ещё видно. Думаю, шанс есть. По моей команде готовься бежать изо всех сил. След в след. Понимаешь?

– Да, – кивнула Соня.

– Басю возьми на руки. Иначе темп держать не сможешь.

Создание на её плечах издало звук, напоминающий одновременно и «мяу!», и «фр—р—р!»

– Кажется, она сама хочет бежать. Думаю, у неё это быстрее получится.

Я подумал секунду. Прислушался к интуиции. На первый взгляд, предложение выглядело рациональным. Но что-то мне не нравилось.

– Нет, – я покачал головой, – нельзя. Мы не знаем, кто она. И как может взаимодействовать со стражем. Или стражами.

В этот момент краем глаза я увидел отблески зеленоватого свечения. Подтянуло холодом; в воздухе вдруг появился отчётливый запах гари.

– Сейчас! – крикнул я.

И мы понеслись по узкой тропке, ведущей в обход обгоревшей стены здания. Свечение за нашими спинами становилось всё более отчётливо; оно дрожало и трепетало, будто там горело зелёное пламя на ветру. Я знал, что оглядываться

– плохая идея. Но не удержался.

Они наступали полукольцом. Размытые вертикальные тени, мерцающие будто болотные огни. Только в этих огнях можно было разглядеть очертания человеческих фигур.

Они быстро приближались, паря над жухлой травой. А тропинка, будто назло, начала петлять между остатками столбов и стволами обгоревших деревьев.

Я посмотрел на небо. Так и есть: нас уводили. Запутывали мороком.

Про стражей было известно очень мало, потому что немногие из нашего брата пережили встречу с ними. Но я слышал, что нужно смотреть на небо. Морок не может обмануть Солнце; даже намёка на зарю было достаточно, чтобы сориентироваться.

Я резко затормозил. И рванул с тропы направо, на запад. Настоящая тропа, по которой мы пришли, должна быть там.

– Арти, стой! – крикнула Соня и замерла, – там трясина! Я вижу воду!

Пришлось остановиться, теряя драгоценные секунды.

– Это морок! – крикнул я, – не тормози!

Соня поколебалась секунду. Потом плотнее прижала к себе Басю и двинулась вслед за мной. Я облегчённо вздохнул, готов был снова рвануть вперёд.

Но было поздно.

Прямо перед нами возникла одна из призрачных фигур. Подул ледяной ветер – настолько холодный, что мне показав-

лось, будто я врезался в снежную стену.

— Что?.. — Соня врезалась в мою спину, — ох...

Я глянул направо. Тропа вела туда. Хорошая, утоптанная и достаточно широкая. Ведёт на юг — как раз туда, где настоящая топь. В ловушку.

Слева подбирались ещё две фигуры. Попробовать рвануть назад?

Времени на размышления не оставалось; мир вокруг нас вдруг перестал быть твёрдым, всё подёрнулось зыбким дрожанием и зеленоватым маревом. Свет фонарика померк.

И в этот момент Бася спрыгнула с Сониных рук.

— Нет! — крикнула она и рванулась за своей питомицей.

Бася что-то крикнула по—боевому.

Призрачная фигура перед нами вдруг пошла тёмными полосами. Будто её разодрала чья—то огромная когтистая лапа. Послышался вой, от которого волосы зашевелились на затылке. А в следующее мгновение остатки фигуры втянулись в землю.

Мир вокруг снова стал твёрдым и привычным.

— Бежим! — крикнул я.

Бася, будто поняв мою команду, рванула вперёд. Соня вслед за ней. И я остался замыкающим.

Ощущение времени пропало. Я не могу сказать, сколько длился этот безумный забег по невидимой тропе. Но остановились мы только тогда, когда давящее ощущение холода исчезло.

– Вырвались? – спросила Соня, чуть отдышавшись. Она стояла, уперев ладони в колени; было видно, что напарница выложились полностью.

– Да, кажись, – неуверенно ответил я, оглянувшись. Никаких светящихся фигур и обгоревших остатков селения не просматривалось, даже на предельной дальности фонарика.

– Останавливаться нельзя, – добавила она, снова выпрямляясь и делая шаг вперёд.

Бася ждала её на тропе, нетерпеливо переминаясь с лапы на лапу. Никогда не видел, чтобы кошки так делали.

– Похоже, то, что мы нашли там, в паровозах, ценнее золота, – заметил я, шагая следом.

– Ты сомневался? – ответила Соня, не оглядываясь.

– Если она может нанести вред стражам – это открывает...

– С ума сошёл, что ли? – фыркнула напарница, – мы в такие места больше не полезем. Никогда и ни за что.

Я хотел было добавить, что зарекаться – это глупое занятие. Но промолчал.

Чтобы сориентироваться, я достал смартфон и включил навигатор. Сети тут не было – но я заранее скачал карты.

Мы забрались довольно далеко от того места, где оставили «Патруль». Километров пять по прямой. И все семь, если обходить по разбитым просёлкам.

– Ну что там? Хочу в гостиницу! – спросила Соня, с любопытством заглядывая на экран.

– Часа два идти, – ответил я, вздохнув.

– Вот же ж...

– Через лес может быстрее выйти, – заметил я.

– Ну уж нет! – твёрдо ответила Соня и пошла вслед за Басей по заросшему травой грейдеру.

Нестерпимо хотелось присесть отдохнуть. Но, вспоминая только что пережитое, я находил силы двигаться дальше. Соне тоже приходилось несладко. После очередного поворота я скинул рюкзак и на ходу достал бутылку с водой.

– Будешь? – протянул напарнице.

– Да, спасибо, – кивнула она, после чего сделала пару глотков, не сбавляя шага. – Интересно, кому тут надо было вообще дорогу прокладывать? – спросил она, возвращая мне воду.

– Тут вроде торфяные разработки были, – ответил я, – их относительно недавно закрыли. Дороги ещё не успели зарастить.

– Самих разработок нет, даже следов... а дороги остались. Интересно.

Я неопределённо пожал плечами.

– Стой! – неожиданно добавила Соня, – слышишь?

Я остановился, напрягая слух. И точно – откуда–то справа долетал гул. Похоже на работающий движок.

– Там что, трасса есть? – спросила Соня.

Я снова посмотрел на карту. Судя по ней, правее шла ещё одна старая дорога, оставшаяся после торфяных разработок.

– Да не похоже, – ответил я, – может, охотники какие или рыбаки. Тут вроде озёра недалеко.

– Может, подвезут, а? – с надеждой спросила напарница.

– Может, – согласился я, – пошли тогда быстрее! Может, успеем – видишь, в пятистах метрах дороги пересекаются.

Мы не просто успели. Неизвестные любители ночных прогулок на пересечении свернули на наш грейдер. Мы видели, как свет фар повернул в нашу сторону.

Соня принялась размахивать фонариком. В ответ машина мигнула дальним светом.

Это был «Патриот». Он приблизился к нам, отодвинулся ближе к обочине и остановился. Со щелчком открылась водительская дверь. Из салона выпрыгнул мужик в камуфлированных штанах и зелёной майке, лет тридцати на вид.

– Эк вас занесло, туристы! – осклабился он, шагая нам навстречу.

Я вежливо опустил луч фонарика.

– Загуляли малость, – я неуверенно улыбнулся в ответ, – машину слишком далеко оставили. Силы не рассчитали.

– Ясно, – кивнул водитель, разглядывая нас.

Послышался ещё один щелчок, я увидел, как открылась пассажирская дверь, и на дорогу вышел ещё один мужик, одетый точно так же. Только этот был постарше: с седой бородой и огромными залысинами. Он молча подошёл к нам и встал сбоку.

Я почувствовал, как Соня сжала мою руку.

– Ну что ж. Давайте подвезём, – предложил бородач, – если тут не шибко далеко.

– Да ничего. Мы сами дойдём. Не беспокойтесь, – ответила Соня.

– Да нам не сложно, – усмехнулся водитель.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что я даже рукой пошевелить не успел – не то, что осознано отреагировать.

Водитель и второй мужик синхронно приложили к носу какие-то цилиндрические штуковины. А прямо перед нами в воздухе появилось лёгкое белое облачко, похожее на пар. Оно быстро рассеивалось.

Последнее, что я запомнил – крик Сони и Бася, бессильно завалившаяся на бок.

Локация 5. Москва, склад радиоактивных материалов завода «Полиметалл»

Тема абандонов затягивает постепенно. Сначала это просто место для игр. Недострой. Территория под снос. Зброшенный завод или фабрика – всё, что угодно. Рядом с домом. Игры с ребятами по вечерам, страшные истории с выключенными фонариками, костры и хлеб, который становится вкуснее, если подержать его в пламени.

Большинство людей перерастают этот возраст. Появляется взрослая жизнь, заботы, учёба—сессии—интервью—работа. Всё, как обычно. Потом семья. Ипотека. И вот: то, что раньше было наполнено тайной, вызывает только лёгкое презрение и недовольство муниципалитетом, который никак в суде не может разрешить вопрос имущественных прав...

У меня было по—другому. Да что там – у всех наших по—другому. Мы застреваем во времени; наверное, можно это так назвать.

Хотя история у каждого своя.

У кого-то случаются настоящие трагедии, после которых сложно найти опору в жизни, сложно себя мотивировать. Заброшки помогают. Лечат. Дают новый взгляд на всё.

Кто-то просто себя не находит в жизни и в какой-то мо-

мент понимает, что обречен на тихое прозябание, нелюбимую работу, пресные отношения, пивко по вечерам и всё более тупые сериалы или игры.

Не важно, как ты попал в тему. Главное, однажды ступив на эту тропу, больше не сомневаться.

Я думал, у меня всё хорошо в жизни. Да, случился момент непонимания с родителями. Отец отчего-то прочил мне военную карьеру. Сам он – врач, очень хороший. Хирург—кардиолог, с мировым именем. Не понимаю, отчего ему так хотелось, чтобы сын специалиста, спасающего жизни, вдруг приобрёл профессию, чтобы их отнимать? Для восстановления вселенского равновесия? Это ирония, если что.

Мы говорили об этом. Я приводил свои аргументы – он свои. Как-то так получалось, что его аргументы были сильнее. Мол, у меня все задатки, из меня получится хороший командир, физические данные позволяют, да и волевые тоже.

После побега из кадетки я не хотел жить дома. Вечерами слонялся без дела. Пару раз попадал в компании, опасно близкие к нехорошим. Но меня не затянуло – не интересно было. Не захватывало.

Зато я полюбил лазить один там, где людей поменьше. На кладбищах. Потом просёк тему заброшек. Зарегился в коммунах, читал отчёты народа. Потихоньку сам начал выкладывать.

Появился круг общения. Сначала чисто виртуальный, я по

—прежнему предпочитал одиночные вылазки. Потом начали пересекаться в городе — ну, там, находки заценить. Впечатлениями обменяться.

Потом начались групповые вылазки. Ездили на аэродром под Питером и на корабельное кладбище в Нижегородской области.

Компания мне не понравилась. Слишком много разговоров, слишком много пива и лишнего шума. Даже если в компании есть понимающие люди, обязательно найдётся кто-то, кто начнёт орать, дурачиться, просить его сфоткать... в общем, всячески разрушать атмосферу.

Потом снова одиночные вылазки. И тогда я начал что-то чувствовать.

Почему-то в одном месте цеха воздух был необычно холодным. А под разрушенным куполом старой церкви вдруг становилось как-то по—особенному хорошо — но только в определённой точке.

Эти едва уловимые ощущения меня заинтересовали. Я начал пытаться их систематизировать.

К тому времени я уже поступил в Бауманку, на факультет фундаментальных наук. Прошёл по бюджету, но, если честно, не надеялся, что вытяну. Скорее, надеялся отчислиться и спокойно уйти в свободное плавание, обозначив предел своих возможностей.

Но математика мне неожиданно зашла. Было в математическом моделировании что-то от одиночества заброшек, то

же ощущение возможности чуда.

К тому же моя нелюбовь, нелюдимость и необщительность для «фундуков» – так называли студентов нашего факультета – были нормой. И мне это нравилось.

Собирая материал по необычным свойствам заброшек, я даже хотел диплом писать по пространственному моделированию термодинамических систем. Но передумал. Точнее, меня заставили передумать.

В нашей среде есть несколько уровней посвящения. И в обычных условиях будущие наводчики и медведи проходят их последовательно, раз за разом проявляя свои способности и приобретая первоначальные навыки под чутким и негласным руководством кураторов.

Я должен был догадаться с самого начала, что группы любителей заброшек существуют не просто так. Если внимательно приглядеться, в них можно было уловить систему. Специально созданный фильтр, чтобы выявлять реальные таланты.

Я успешно прошёл второй уровень и в течение пары лет должен был постепенно для себя открывать наш мир, как это делают все обычные наводчики.

Но тут случилось Сабурово. И мне пришлось узнать сразу всё.

В том, что произошло, конечно, виновата Соня. Хотя её сложно судить за это – ведь, в конце концов, всё обернулось к лучшему.

Да, мы могли погибнуть, но не погибли же. Благодаря вмешательству куратора.

Кстати, забавный факт: у нас не принято использовать такие попсовые слова, как «сталкер», «лут», «хабар» и прочее. Это не просто дурной тон, это призыв к неудаче.

Про Сабурово. Как-то, гуляя по оврагам Коломенского, я заподозрил по косвенным признакам близкую гравитационную аномалию. И через неделю пришёл с портативным гравиметром, который стащил с кафедры прикладной физики. Ну то есть не стащил, конечно, просто одолжил на время.

Это оказалась не просто аномалия. То, что намерял прибор, не вписывалось ни в какие модели геологического строения Московского региона. И центр аномалии находился чуть дальше парка, на берегу реки, за заводом «Полиметалл».

Удивительно, но в то время я не знал, насколько опасна эта территория. Да и какой нормальный человек мог предположить, что прямо в центре города находится настоящая радиоактивная свалка, фoniaщая местами похуже Чернобыля?..

В общем, гравитометр у меня был. А вот дозиметра – увы, взять не догадался.

Следуя к эпицентру аномалии, я был так поглощён показаниями, что не замечал ничего вокруг. Даже девчонка, висящая на дереве, на приличной высоте, уцепившись за ветку руками и ногами, не привлекла моего внимания.

А потом ветка треснула. Я рефлекторно отпрыгнул – как раз в ту точку, куда упала девчонка.

Это было достаточно больно; я чудом не свернул шею, не вывихнул руки и не переломал позвоночник.

Мы покатались вниз по склону. Каким—то чудом я додумался прижать её к себе и сгруппироваться, наверное, только поэтому обошлось без серьёзных травм.

Не знаю, сколько бы продолжалось это наше кувыркание. Может, и до самого берега. Но на пути нам попала яма, едва прикрытая гнилыми досками. Треск – вопль – пыль – и вот мы на дне, заваленном прелыми листьями.

– Отпусти меня, – выдавила из себя девчонка, пуча глаза.

Только теперь я сообразил, что продолжаю прижимать её к груди изо всех сил.

– Окей, – ответил я, ослабив хватку.

Через секунду девчонка уже была на ногах, будто ничего не случилось. Она с каким—то восторгом оглядывалась вокруг, щупая воздух.

– Ты чего это? – осторожно спросил я, подумав ненароком, что нарвался на сумасшедшую.

– Тс-с-с-с... – ответила девчонка, продолжая ощупывать воздух.

Ну точно – крыша того... Я вздохнул, осторожно поднялся и начал отступать, оценивая глубину ямы, где мы оказались. Та, к счастью, была не слишком глубокой – по пояс. Но одним прыжком не выберешься.

– Есть! – улыбнулась девчонка, – можешь посадить меня? Вот тут?

Я вспомнил, что с сумасшедшими лучше не спорить. Подошёл к ней, подставил сцепленные ладони. Она уверенно ступила на них. Но вместо того, чтобы вылезти из ямы, потянулась куда—то в воздух.

А дальше всё произошло слишком быстро, чтобы я успел заметить детали.

В воздухе что-то возникло. Металлический блеск, грохот, резкий запах озона. Потом – сильный рывок, едва не выдержавший мне руки. Несколько секунд, и мы стоим метрах в двадцати от ямы. Перед нами мужик, глядя, на которого никак не ожидаешь такой физической мощи, чтобы протащить двух людей на себе на такое расстояние, чуть не за доли секунды.

Так мы и познакомились с нашим куратором. И друг с другом.

Соня вытащила своё первое сердце на чистой интуиции без серьёзных вычислений. Это был какой-то особо опасный сплав, излучавший жёсткую радиацию. Куратор каким—то образом осознал его опасность и смог нас вовремя вытащить.

После этого у него не оставалось другого выбора, кроме как вытащить нас сразу на уровень действующей пары, миновав сразу несколько ступеней. Впрочем, до сих пор он не жалел о своём выборе, по его же собственному признанию.

Почему-то мне снился именно этот эпизод. Только в конце куратор не вытаскивает нас. Вместо него появляется огромный чёрный кот, который стоит на краю ямы, усыпанной слитками радиоактивного металла. Я чувствую, как радиация убивает нас. Кожа горит. Голова раскалывается. От запаха озона тошнит. Соня Почему-то лезет ко мне целоваться. У неё раздвоенный язык. Я пытаюсь отстраниться, но она только сильнее прижимается ко мне. От её объятий трещат рёбра и трудно дышать.

Огромный чёрный кот громко смеётся и заявляет, презрительно глядя на нас с края ямы:

– Давай уже. Я знаю, что ты не спишь. Потолковать надо.

Соня начинает меня трясти. В голове словно свинцовые шары перекатываются. Я пытаюсь отстраниться. И в этот момент открываю глаза.

Надо мной стоит мужик в чёрной балаклаве. Я едва вспомнил то, что случилось в рязанских лесах. Непроизвольно застонал.

– Ничего. Через час всё должно пройти, – сказал мужик, протягивая мне пластиковый стаканчик. – На вот. То, что доктор прописал.

Я даже не стал уточнять, что в стаканчике. Пить хотелось дико. И самочувствие было таким мерзким, что я бы выпил его содержимое, не задумываясь, даже если бы точно знал, что там цианид. Просто чтобы прекратить свои мучения.

В стакане было что-то пряно—солончатое. И оно на

удивление хорошо утолило жажду. Даже голова вроде как прояснилась.

Я огляделся, поднимаясь.

Напротив меня сидела Соня. Она была примотана к железному стулу верёвками.

– Что, полегчало? – сказал мужик. – Ничего. Будете вести себя хорошо – выйдете отсюда живыми и здоровыми.

– Ты представления не имеешь, с кем связался... – прошипела Соня.

– Ну почему не имею? – серые глаза похитителя насмешливо прищурились, – ты – медведь, он – наводчик. Не перепутал.

Мы переглянулись. В Сониных глазах был страх.

– Да ладно. Расслабьтесь. Как уже сказал, будете сотрудничать, ничего плохого с вами не случится. Ещё не хватало разбираться с вашими кураторами.

Соня снова бросила на меня испуганный взгляд.

– Да, да, – рассмеялся похититель, – это нам тоже известно. Как и то, что вы утаили от своего куратора. Сам по себе непростительный поступок. Вас и не простят, если об этом станет известно. Но это ведь не в наших интересах, да?

Я обратил внимание, что мужик сказал «мы», но никого другого в тесном помещении, где мы находились, видно не было.

Кстати, где мы? Вокруг темно. Окон не видно. Одинокaя жёлтая лампочка над простым деревянным столом. Два сту-

ла и скамья. На одном сидит Соня, на скамье лежу я. Почему так, кстати? Она пришла в себя раньше? Обидно как-то... продолжим осмотр. Стены покрыты то ли обоями, то ли пластиковыми панелями. Пахнет сыростью и землёй. Подвал? Вроде бы логично.

– Что вам нужно? – спросил я, пытаюсь принять вертикальное положение.

Мужик подошёл ко мне, помог сесть. Тут я обнаружил, что у меня руки связаны за спиной. Не туго – но надёжно.

– Это правильный вопрос, – кивнул мужик, – как говорится, в точку. Нам нужно то, что вы нашли под Пермью.

– С чего вы взяли, что мы там что-то нашли? – упрямо спросила Соня.

– Не стоит начинать разговор, оскорбляя интеллект собеседника, – сказал мужик, обращаясь к ней, – вы же не просто так попёрлись на крупнейшую могилу в регионе, да?

Мы опять переглянулись.

– Что за могилу? – Соня как могла изобразила удивление.

– Так, судя по всему, мы не близки к взаимопониманию, – мужик изобразил горестный вздох, потом поднялся со своего стула и направился куда—то в угол комнаты, – считаю, что это барьер общения надо преодолеть.

Он включил фонарик и посветил на пол. Там, раскинув лапы, лежала Бася. Я успел заметить, как она дышит – быстро и прерывисто.

– У всех есть свои слабости, – усмехнулся похититель, –

твоей кошке повезло. Она пережила токсический шок. Теперь должна прийти в себя. Если ты, конечно, будешь умницей.

После этого мужик потыкал Басю носком ботинка.

– Не лезь к ней, – прошипела Соня; она глядела на похитителя с такой яростью, что я удивился, как тот не вспыхнул.

– Итак, ваша экспедиция на могилу, – мужик вернулся на своё место, развернул стул спинкой в нашу сторону и положил на неё руки, – почему вы решили с неё начать и что пошло не так? Ну и самое главное, конечно – где сердце, которое вы хотели использовать.

Я изо всех сил старался не глядеть на Басю. Похититель, кем бы он ни был, не догадался! Он принял её за обычную кошку, Сонину питомицу!

– Давняя мечта, – я вздохнул, стараясь звучать максимально правдоподобно, – думал об этом ещё с тех времён, когда мы охотились за Блуждающей Церковью.

Мужик помолчал несколько секунд. Потом рассмеялся.

– Ну вы даёте, – сказал он, успокаиваясь.

Соня глядела на меня с недоумением. А я просто тянул время. Кажется, Бася пошевелила задней лапой, когда мужик отошёл от неё. Хороший знак. Надо просто продержаться достаточно долго. Я вспоминал ту сцену в паровозе. То, что она сделала с одним из нападавших. Но теперь надо быть осторожнее, когда она придёт в себя, её надо прикрыть. Я не верил, что мужик один. Скорее всего, остальные где-то ря-

дом. Подстраховались.

– Ну вот так, – я развёл руками, – а сердце там осталось. Мы еле ноги унесли. Его было слишком мало!

– Тут подробнее, – чувствовалось, что мужик ожидал подобного ответа, но надеялся на другое; его голос звучал раздражённо, – и что, ты так просто расстался с такой вещью? Ты хоть примерно понимаешь её ценность?

– Понимаю... – я грустно опустил голову.

– Фига себе просто так! – вмешалась Соня. Она, кажется, поняла игру и подключилась к ней, – мы трёх стражей развезли! Трёх! Понимаешь? И ушли живыми!

– Их было больше трёх? – кажется, нам удалось удивить похитителя; очень хорошо, пускай переваривает информацию.

– Я насчитала девять, – вздохнула Соня, – и не факт, что это всё...

– Вы – идиоты... – сообщил мужик холодным от сдерживаемой ярости тоном, – нафига было соваться сразу туда, а? Не могли начать с более подходящего объекта?

– Да кто ж знал то!.. – попытался возразить я.

– Клинические идиоты, – дополнил мужик. Потом встал со стула, – ладно. Надо править то, что вы накосячили. Планшет сюда! – крикнул он, обращаясь, очевидно, к своим подельникам.

Где-то в темноте грохнула металлическая дверь. Застучали шаги.

К столу вышел боевик в защитной одежде. Вооружённый — в наплечной кобуре я разглядел рукоятку пистолета. Он положил на стол включенный планшет, после чего обернулся, собираясь выйти.

— Сейчас ты в деталях покажешь на карте, что где происходило, — сказал похититель, — ясно?

Дальнейшее произошло очень быстро. Я действовал на каких—то рефлексх, о существовании которых даже не подозревал. Должно быть, управление перехватила рептильная часть моего мозга, у которой было только одно желание: выжить.

Бася шевелится и моргает. Смотрит на меня. Потом на Сою. Одним изящным прыжком оказывается на четырёх лапах.

Боевик тычет в планшет. Он всё ещё не замечает происходящего. Это даёт несколько мгновений форы.

Бася встаёт на задние лапы.

Боевик, который принёс планшет, что-то почуял. Он тянется к кобуре. Достает ствол. У него невероятная реакция.

Но прицелиться он не успевает. Его рука отлетает вместе с пистолетом. Слышится выстрел. Боевик недоумённо смотрит на культю, откуда фонтанчиками начинает бить кровь.

Мужик, который разговаривал с нами, тоже пытается выхватить оружие. И тоже не успевает. Его грудная клетка будто взрывается изнутри, заливая стол кровью. Он частями, с хлюпаньем, падает на пол.

Я начинаю ёрзать на стуле, пытаюсь ослабить узлы. Мне не по себе. Я вдруг боюсь, что будет, если Бася не остановится?

К моему удивлению, узлы поддаются. Их накрутили слишком много, а у меня узкие ладони. К тому же я сильно вспотел – пот действует как смазка. Я освобождаю руки.

В этот момент с грохотом распахивается дверь, и в помещение врываются ещё трое. Они успевают сделать пару выстрелов, метя в Басю.

«Кошка» двигается так быстро, что глаз не успевает следить.

Одна пуля рикошетит и с чмоканьем втыкается в нижнюю половину бывшего боевика.

Соня сдерживает рвотный позыв.

Секунда – и все три боевика валяются бесформенными кровоточащими кучами.

Наступает тишина.

Бася выгнула спину. Лизнула переднюю лапу своим раздвоенным языком. Потом посмотрела на Соню и спросила: «Мр-р-р-р?»

Меня это чуть не доконало. Натурально, я очень хотел снова потерять сознание. Но смог взять себя в руки.

– Выходим. Быстро! – я метнулся к Соне и начал пытаться распутывать узлы. Выходило плохо.

– В кармане посмотри, – сказала она бесцветным голосом, – кажется, у него нож был.

Я посмотрел на пол. В нижнем куске похитителя всё ещё

что-то хлюпало и подёргивалось. Меня передёрнуло. Но я стиснул зубы, опустился на одно колено и залез во влажный от крови карман его штанов. Сначала я нашёл что-то с пластиковой рукояткой и какой-то торчащей из неё штуковинной, металлической наощупь. Вроде слишком маленькое для ножа – но я вытащил предмет. И не смог сдержать улыбку: это был ключ от нашего «Ниссана». Больше всего я боялся, что они бросили машину под Рязанью, а то и хуже: сожгли её. Но, раз ключ здесь, скорее всего, «Патруль» перегнали к месту нашего заточения.

– Скорее, тут может быть кто-то ещё, – поторопила Соня.

Я, спрятав окровавленный ключ, залез в другой карман боевика. Нож там действительно был. И он тоже принадлежал мне!

Погладив рукоятку своей «Крысы», я вернулся к Соне. Перерезал верёвки.

Всё это время Бася спокойно сидела на полу, среди убитых ей же боевиков, и приводила себя в порядок с совершенно невозмутимым видом.

Я вдруг подумал, что стал бы делать, если бы это существо вдруг решило полакомиться своей законной добычей... но, к счастью, Соня не дала мне додумать эту мысль.

– Бежим! – сказала она, после чего схватила планшет и активировала экран, удерживая его перед собой как фонарик.

Мы действительно были в подвале. За металлической дверью находилась лестница, ведущая наверх.

– Что с телами будем делать? – спросил я шёпотом, когда мы оказались на верхней площадке.

– Тс-с-с! – ответила Соня. – Вдруг кто ещё есть?

Она осторожно толкнула дверь. Та медленно, с лёгким скрипом, распахнулось.

Обычная комната, обычного деревенского дома. На полу – плетёные коврики, у стены – выдавший виды диван и дровяная печь.

– Вроде никого, – сказал я.

– Угу, – кивнула Соня.

Словно подтверждая её слова, вперёд вышла Бася и, громко муркнув, направилась к входной двери.

Я подошёл к ближайшему окну. Отодвинул занавески.

Словно камень с плеч: во дворе, рядом с «УАЗиком» похитителей стоял наш «Патруль».

– Ключи надо найти! – заметила Соня.

В ответ я ей продемонстрировал свою находку.

– Круто! – улыбнулась она и добавила ледяным тоном: – А тела мы сожжём. Вместе с домом.

Я огляделся по сторонам. Дом стоял на отшибе, ближайший участок через дорогу. Удивительно удобное расположение! Впрочем, конечно же, не случайное.

– Не крутовато? – осторожно спросил я.

– Так, хоть есть шанс, что на нас не выйдут.

– Куратору мы, конечно, ничего не скажем? – я не смог сдержать нотки ехидства в голосе.

– Нет, конечно. Кстати. Где твой мобильник?

– Понятия не имею, – я пожал плечами. – Надеюсь, они догадались его там, на месте, вырубить.

– Надо карманы проверить. Заодно попробуем выяснить, что это за ребята.

В этот момент по улице проехала машина. Ничего примечательного – обычный «Солярис». Я резко задёрнул занавеску.

– Валить надо быстрее. Вдруг их прикрывают?

– Согласна, – кивнула Соня, и спросила с надеждой, – стволы же мы заберём, да?

– Ни в коем случае! – я энергично замотал головой, – это ж прямо признаться в убийстве!

– Ладно. Соглашусь.

– У одного из боевиков в кармане оказались документы на машину и права на имя некоего Григорьева Ростислава Петровича. И это всё. Ни паспортов, ни других корочек. Уже хорошо, что ни к одной государственной конторе эти ребятки, похоже, не принадлежали. Ни фотографировать, ни забирать документы мы, конечно, не стали.

Вместо этого я сходил к «Патрулю». В багажнике лежали две полные канистры на двадцать литров. Наш стратегический запас. Кстати, документы на машину и права сохранились в целости, в бардачке.

Я тщательно обработал подвал, немного плеснул в комнате. Потом так же тщательно облил салон «Патриота».

Прежде, чем запалить, мы убедились, что никакая машина не приближается к тихой улице, где мы находились.

Наблюдая в зеркале заднего вида за тем, как разгорается пламя, я старался не газовать слишком сильно. Чтобы случайно не привлечь внимание.

– Куда мы? – спросила Соня, когда мы въехали в лес.

– Для начала надо понять, где мы, – ответил я.

Словно в ответ на мои слова мелькнул указатель: «Егорьевск, 15 км».

– Это как раз не так важно, – Соня улыбнулась, – но рвать нам надо как можно дальше.

– Надо бы номер восстановить, – возразил я, – а то подозрительно будет.

– Куратор и так нас найдёт, – возразила напарница, – но ты прав. Это будет подозрительно. У тебя же подмосковная симка, так?

– Ага, – кивнул я, поворачивая в сторону Егорьевска.

Локация 6. Забайкальский край, танковый полигон

– Знаешь, что странно? – спросила Соня, когда мы вышли из салона связи.

– Что?

– У них не было мобильных. Совсем. Даже у куратора есть смартфон.

– У него особый, – заметил я, – на отечественном проце, специальной сборки. Гарантированно без закладок.

– Значит, они точно с государством не связаны. Хотя всё равно странно. В наше время смартфоны есть у всех. Когда надо – их просто выключают и прячут подальше.

– Может, мы их просто не нашли, – заметил я.

– Я всё обыскала. И не просто так, – напарница внимательно на меня посмотрела, давая понять, что пользовалась своими способностями. Умение чувствовать линии – оно и в повседневной жизни бывает полезно.

– И что – ничего?

– Неа. Совсем.

– Да, странно, – согласился я, – и ничего хорошего. Для нас. Значит, они – крутые профессионалы, раз не допускают даже таких проколов.

– Машина у них говно, – заявила Соня, сморщившись, –

странно для профи такого уровня.

– Да тут всё странно! – я всплеснул руками, – куда ни плюнь!

– Угу.

Мы дошли до парковки, где стоял «Патруль». Прежде, чем залезть на водительское сидение, я нежно погладил шершавую поверхность обтянутого плёнкой крыла. Всё-таки я успел полюбить эту машину и здорово испугался, когда подумал, что больше её не увижу.

Я долго мечтал о такой. Ещё студентом. Пробовал заикнуться родителям о своих хотелках, но куда там! «Студенты ездят на метро», – мстительно ответил отец, намекая, что, стань я курсантом, всё могло быть по—другому.

Шестьдесят первый кузов, первый рестайлинг... я вспомнил, с каким трудом выбирал свой экземпляр. Сначала, начитавшись обзоров, конечно, было нацелился на турбодизель с механикой. Но найти хотя бы более—менее живой экземпляр в наше время оказалось, практически, невозможно. И вот, появляется этот. Из Эмиратов. Автомат, движок четыре и пять, бензин. Штатно рассчитан на девяносто второй. К тому же состояние – только мечтать о таком! В Россию попал практически случайно пару лет назад. Зимой не эксплуатировался. Так что кузов в идеале. Я его поэтому и заказал в плёнку – очень уж жалко было убивать элкэпэ. Даже вложений не потребовалось – похоже, пробег на одометре – сто двадцать тысяч – был родным. Только полное ТО, и всё.

Спецы в сервисе офигели, хотели перекупить, пытались развести даже, но куда там! Пришлось поскандальить немного, они быстро пришли в чувство.

– Всё нарадоваться не можешь? – спросила Соня, глядя, с каким выражением лица я запустил движок.

– Ага, – согласился я.

– Мальчишки, – фыркнула напарница.

– Девчонки, – ответил я, улыбнувшись, и кивнул на заднее сиденье, не удобно устроилась Бася, только что спрыгнувшая с Сониных плеч.

– Ладно, – Соня примирительно улыбнулась в ответ, – жрать хочу.

Я посмотрел на неё удивлённо. Мало того, что меня немного мутило после той дряни, которой нас отравили, так перед глазами всё ещё стояли горы человеческого мяса, в которое превратились похитители. И запах крови. Я думал, что ещё неделю не смогу есть – в этот раз всё было куда круче, чем тогда, у паровозов. Там хотя бы было темно...

Но вот Соня заговорила о еде, и я с удивлением обнаружил, что в желудке требовательно урчит.

– Тут вроде «Бургер Кинг» есть, за углом, – ответил я, – можем заехать.

– Пойдёт, – кивнула Соня, – только закажи ещё бургер без соусов, не забудь. Это для Баси.

– Закажу, – кивнул я, трогаясь с места.

Я привык есть на ходу. Напарница поначалу такое не

очень любила – но потом ничего, привыкла. Этот навык здорово экономит время в дальних переездах.

– Что, куда направимся? – спросила она. – Уж и не вспомню сейчас, что там по плану было...

– По плану был Нижний Новгород, – ответил я, – но планы надо пересмотреть, я считаю.

– Согласна.

– Надо ехать как можно дальше.

– Ага, – кивнула Соня.

– Колыма? – осторожно поинтересовался я.

– На машине? – ответила напарница, – да ну тебя! Ты обзоры смотрел? Нафиг—нафиг!

– Там много мест интересных.

– Ага. Могил особенно! Ты серьёзно сейчас или прикалываешься?

– Кроме могил, там куча всяких НИИ закрытых, рудников и прочих интересных, – возразил я.

– Там слишком попсово, – после небольшой паузы произнесла Соня и тут же пояснила: – понимаешь, они могут посчитать, что мы ринемся как можно дальше. За границу, конечно, не сунемся – а куда деваться внутри страны? Колыма да Камчатка! Я бы на их месте там начала рыть в первую очередь.

Я задумался. В этом аргументе была доля истины. Нам ведь надо было скрыться не только от неизвестных преследователей; встреча с куратором, по крайней мере, до конца се-

зона, была бы очень нежелательной. Потому что после каждого происшествия врать всё труднее. Мы оба это понимали.

– Чита, – сказал я, наконец, – там много военных заброшек. Остались со времен напряжённых отношений с Китаем. Наверняка, что-то интересное найдётся.

– Не слишком близко и не попсово, – одобрительно кивнула Соня, – едем.

– Меня ещё знаешь, что напрягает во всей этой ситуации? – спросил я.

– Ну, удиви меня.

– Они знали свойства сердца, которое мы достали, – сказал я, – считается, это невозможно. Но они точно знали, что с её помощью можно разорять могилы, – я кивнул в сторону Баси.

Та подняла голову, посмотрела на меня через зеркало заднего вида и продолжила вылизываться.

– При этом они понятия не имели, как это сердце должно выглядеть, – закончил я мысль.

– Да, это очень странно, – кивнула Соня.

– Откуда они могли знать?

– Ну, ты же знаешь, ходят разные слухи. Про наводчиков, которые научились вычислять сердца. Или про старые карты...

– Бред. Куратор сказал, это с нижних ступеней посвящения распространяют. Специально, чтобы цену набить...

– Ну а, с другой стороны, сам подумай: что ещё нам мог

ответить куратор? Что да, такие вещи существуют, но вас они не касаются?

Мы переглянулись. Соня была права. В таких делах не стоит полагаться на официальную информацию.

До Рязани добрались быстро – пробок не было, середина дня. На въезде в город мы заехали в «М—5 Молл». Нужно было снять наличные – в наши планы не входило использование карточек по дороге.

Сначала я хотел ограничиться сотней – этого должно было хватить на дорогу, при наших обычных тратах. Но Соня вмешалась, увидев сумму.

– Арти, камон! Давай больше!

– Это зачем? – я поднял бровь, но от банкомата отходить не спешил.

– Гостиницы. Рестораны. И мало ли чего нам ещё захочется?

– Слушай, тебе мало было отпуска? Мы и так, знаешь, сколько за две недели в Москве прокутили? – возразил я.

– Сколько? – заинтересовалась Соня.

– Много.

– Сколько процентов от того, что нам заплатили?

Я мысленно произвёл необходимые вычисления, но ответ говорить не спешил. Соня не зря заговорила про проценты – так сумма выглядела куда менее серьёзно, чем в абсолютных цифрах.

– И потом, мы были не в отпуске, – возразила она, – мы занимались квартирой.

Я вздохнул. Потом набрал максимальную сумму на снятие, которая была возможна в банкомате. И повторил операцию несколько раз.

Наверное, Соня была права в том, что решила устроить первое в нашей карьере комфортное путешествие. Конечно, мы могли ночевать в палатках, прятаться от камер на заправках, поменять номера телефонов – но это бы слабо помогло, если бы куратор вдруг решил, что ему нужна срочная встреча с нами.

Расплачиваясь наличными, мы прятались не от него. А от других ребят, которые похищают людей, не пользуются телефонами и знают то, чего знать никак не должны.

Слишком усердно пытаюсь скрыть следы поездки, мы бы только измучились. И прибыли бы на место в том состоянии, когда надо ещё неделю приходить в себя прежде, чем выйти на дело.

Шведский стол на завтрак, вкусный обед в лучшем ресторане города или, на худой конец, хорошие шашлыки в закусочной на дороге, которая пользуется доверием дальнобойщиков. Бассейн или спа вечером. Прогулки перед сном.

И это ещё далеко не всё.

Купание в Волге под Самарой. Прогулки по заповедным лесам Жигулёвских гор. Заброшки. Да, сложно было заста-

вить себя проехать мимо – но мы договорились поддерживать друг друга. И не лазили там, решив, что обязательно вернёмся к самым интересным, когда ситуация немного прояснится и успокоится.

Вечер на берегу Оби, закат из тех, которые запоминаются на всю жизнь. Прогулка по Байкалу на лодке. Нерпа. Омуль. Буузная в Улан—Удэ...

Всё это уложилось в четыре дня.

Мы свернули с трассы загодя, до того, как рекомендовал навигатор. Просто мне захотелось проехаться вдоль речки Ингоды. Места там оказались живописными.

Вечерело. Когда солнце скрылось за сопкой, я выключил кондиционер и приоткрыл окна. Салон сразу наполнился запахом хвойной тайги и свежестью близкой воды.

– Может, искупаемся? – предложила Соня, глядя на речку, то и дело мелькавшую справа.

Я критически посмотрел в сторону речки.

– Не стоит, – ответил я.

– Чего так?

– Средство от клещей закончилось.

– Да ну брось, – улыбнулась Соня, – во—первых, у нас прививки. А, во—вторых, какие клещи в такую жару?

– Мы в Забайкалье. Они тут постоянно активные. Да и холодает уже, вечер. Кроме энцефалита, есть ещё боррелиоз. А ещё у неё вот, – я указал большим пальцем за спину, на заднее сиденье, где спала Бася, – вообще никаких прививок

нет.

Соня поглядела на питомицу. Потом грустно вздохнула и сказала:

– Ладно. Убедил. Надо ей противоклещевой ошейник купить. Ну или спрей какой... они же должны быть для животных, да?

– Наверняка, – согласился я, – завтра первым делом в зоомагазин заглянем.

Дорога, по которой мы поехали, проходила мимо аэропорта. Соня с тоской поглядела на самолёт в ливрее «Аэрофлота», который заходил на посадку.

– Народ только что в Москве был... – заметила она.

– Что, уже обратно хочешь? – удивился я.

– Нет, – она помотала головой, – просто очень давно на самолётах не летала...

– Если повезёт, осенью полетим, – ответил я, – далеко и надолго. Куратор вроде нами доволен, – я сплюнул и постучал по деревянной панели на торпеде.

– Тоже верно.

За аэропортом было довольно большое озеро. Я прочитал на карте навигатора его название – Кенон. Станный топоним, даже для этих краёв. Есть в нём что-то японское...

Гостиница, где я забронировал номер, находилась в центре города. И у неё была собственная охраняемая парковка.

Мы заселились, приняли душ, переоделись, покормили Басю. После чего отправились гулять по вечернему городу.

Бася осталась в номере. Мы предусмотрительно повесили табличку «не беспокоить». Оставлять её одну было немного тревожно – но и таскать её с собой по городу тоже так себе альтернатива. К тому же она точно может постоять за себя, в этом мы убедились уже неоднократно.

Быстро темнело; город погружался в алые сумерки после жаркого дня. Мы шли по центральной улице, пока не остановились возле приглянувшейся нам летней веранды.

Тут предлагали азиатский фьюжн, с упором на японскую кухню, и это мне понравилось: после обилия мяса в Улан—Удэ хотелось чего-то более лёгкого.

Мы сделали заказ; уже через минуту нам уже принесли домашний лимонад со льдом.

О делах думать не хотелось. Я словно пытался заморозить этот последний эпизод беззаботной летней поездки. И Соня, похоже, чувствовала моё настроение.

– Не помешаю? – знакомый голос заставил меня подско-чить на месте.

Рядом с нашим столиком стоял куратор. Вид у него был уставший и немного помятый.

– Извиняюсь за вторжение, – это было совсем неожиданно; раньше куратор никогда не извинялся, – Вы – молодцы, что решились на этот объект. Но вам понадобится прикрытие. Вчера тут произошло кое-что. Довольно неприятное. И мы решили больше не рисковать.

Я тревожно огляделся. Куратор говорил слишком свобод-

но – для центра города. Это Почему-то пугало.

– Молодец, – одобрительно кивнул куратор, наблюдая за мной, – верно подметил. В обычное время это не место для разговоров. Но сейчас этот участок безопасен. Мои местные коллеги позаботились. Мы можем говорить свободно.

В этот момент, словно споря с его словами, к столику подошла официантка.

– Что будете? – спросила она куратора, улыбнувшись, – могу порекомендовать сашими из лакедры. И крабовый суп. Сегодняшний привоз, самолётом из Владивостока.

– Давайте-ка вместо лакедры лосося. Камчатского. Знаю, что у вас есть. И никаких крабов после завтрака!

Куратор зыркнул на официантку. Та едва заметно кивнула и удалилась. А я только в этот момент сообразил, что это был обмен кодовыми фразами.

– Три пары за три дня, – продолжал куратор, когда официантка отошла, – именно тогда, когда мы заинтересованы в такого рода сердцах. Чтобы вы знали, по нашему департаменту была циркулярка, усилить работу по направлениям, где вероятность получения значимых для оборонной промышленности результатов максимальна.

Мы с Соней переглянулись.

– Они... провалились? – осторожно спросила Соня, – не смогли достать нужное сердце?

– Они погибли, – отрезал куратор, – страшно погибли. Их мучили перед смертью. Не буду говорить подробностей, не

за столом. У вас и без того богатое воображение.

Я проигнорировал это добавление про «богатое воображение», хотя информация была очень важной. Она проливала свет на то, как находят наводчиков и медведей.

— Почему вы тянули? — спросил я подчёркнуто нейтральным тоном, — три пары — это очень много для нас. За несколько сезонов не компенсируем. У нас в последнее время посвящение проходит в лучшем случае одна команда...

— С чего ты взял, что мы тянули? — хмыкнул куратор, — я вылетел вам на перехват сразу, как только тела нашли. Эти твари сделали конспиративную квартиру на базе старого дома, в одном из посёлков за городом. Дом стоит на отшибе, будто специально для этого строился... — он вздохнул, — хотя ерунда, конечно. Ему больше ста лет.

Я незаметно, под столом, стиснул Сонину руку. Специально, чтобы она не глядела на меня. Мы и без того слишком часто переглядываемся.

— Предлагаете нам убратся отсюда? — с надеждой спросила Соня.

— Вы же знаете, что мы таким не занимаемся. Если бы пары можно было брать под полный контроль — у нас давно был бы департамент со штатными сотрудниками, которые выполняли бы поставленные задачи по поиску, — куратор тоскливо вздохнул, будто замечтавшись, — мы даже пробовали поначалу. Заканчивалось печально. Ваш дар, к сожалению, так не работает. Вы по—прежнему свободны искать что угодно

и где угодно. Я же могу только в меру сил заботиться о вашей безопасности и давать рекомендации. В этой ситуации мы обеспечим стопроцентное силовое прикрытие.

То, что сказал куратор, формально было правдой. Кураторы никогда и ни к чему не принуждали. Но отказывать им было не принято. И мы, конечно, об этом знали. А раз куратор вспоминает про базовые вещи нашей ступени посвящения – значит, дело плохо. Им очень нужно, чтобы мы нашли именно это сердце.

– Мы даже не знаем ещё, где собирались искать... – искренне сказал я.

В этот момент вернулась официантка и расставила на столе заказ. Куратор взял палочками кусочек лосося и задумчиво отправил его в рот.

– Это не проблема, – он улыбнулся, – всё равно вы выйдете туда, куда надо. С вашими способностями нисколько в этом не сомневаюсь.

Значит, прямого указания не будет. Возникает соблазн поводить куратора за нос: найти левую заброшку, которая на самом деле нам самим была бы не очень интересна... и тем самым заставить куратора нас подозревать. Он мгновенно раскусит такую игру, никаких сомнений. Слишком долго работает с такими, как мы.

– Что значит силовая поддержка? – спросил я, – вы же знаете, медведь линию не почувствует, если рядом будут...

– Зачистка территории по вашему указанию, – перебил

куратор, проглотив очередной кусок розового лосося, – наблюдение за периметром. При необходимости бросок на место, по вашему вызову.

– Вызов по телефону? – усмехнулся я.

Вместо ответа куратор залез в карман брюк и достал небольшой, сантиметров пять в длину, брусок из полированного металла.

– Не говори глупостей, – сказал он, – эта штука формирует защищённый канал, способный противостоять даже серьёзной РЭБ. Но это так, для информации.

– Как пользоваться? – спросил я.

– Сжимаешь с торцов до щелчка, – ответил куратор.

– Ясно, – кивнул я, убирая брусочек в карман джинсов.

Остаток ужина прошёл в молчании.

– Нам надо зайти в... – начала было Соня, когда мы вышли с территории ресторана и направились к гостинице.

Я чуть сильнее сжал её руку, легонько постучав пальцем по правому карману, где лежал металлический брусок, и покачал головой.

Сложно поверить, что куратор не добавил прослушку, воспользовавшись ситуацией. Это ведь не было прямым нарушением договора и статуса посвящения – мы сами согласились взять эту штуковину, зная, что она способна передавать информацию.

– ...магаз за водой, – закончила фразу Соня.

– Ага, – кивнул я, – тоже пить хочется. От острого, навер-

ное.

В зоомагазин мы так и не зашли. А поговорить смогли только уединившись в санузле и включив душ.

– Басю брать нельзя никак, – шептала Соня мне на ухо.

Я согласно кивнул.

– Придётся в номере оставить. Я постараюсь показать, чтобы она не волновалась. Она понимает такие вещи без слов.

– Меня другое волнует, – ответил я, тоже шёпотом на ухо, – что, если кто-то придёт с обыском? Люди куратора? Они ведь так уже делали. И думали, что мы ничего не заметили...

– Бася спрячется. Придётся рискнуть, – ответила Соня, – но с собой её никак нельзя...

– Согласен, – кивнул я. И вышел из душевой.

Бася смотрела на меня с кровати большими, понимающими глазами.

Никто с первого раза сердца заброшек не достаёт. Не то, чтобы это было невозможно: случается, хотя и редко. Как в тот раз, когда мы познакомились с Соней. Просто это рискованно – действовать наобум. Можно потратить слишком много энергии, из-за чего медведь впадёт в кому. Можно достать сердце не полностью, из-за чего потом бывает множество неприятностей. Особенно, если оно представляло собой сложное устройство, которое после такого неполного извле-

чения приходит в полнейшую негодность.

Чтобы всё вышло по уму, должен работать наводчик. Талантливый математик, физик или айтишник, так сказать, в миру. Способный к многомерному комплексному анализу, умеющий работать с голоморфными функциями. И не чуждый интуиции – часто вычисления бывают, мягко говоря, далёкими от принятых канонов.

Сейчас у нас рисковать никакого резона не было. Поэтому мы направились на поиски подходящей заброшки, как обычно, ориентируясь на собственные ощущения и предчувствия.

– Чувствуешь? – спросила Соня.

И я действительно чувствовал – хотя мы ещё из города не выехали.

– Угу, – кивнул я, глядя в сторону нового микрорайона с домами ярких расцветок. Не верилось, что там может быть что-то интересное. Но такие, как мы, привыкли доверять интуиции.

Я свернул направо, в сторону этих домов. Сразу за микрорайоном навигатор показывал многообещающее серое пятно. Часто именно в таких местах находилось всё самое интересное.

Мы проехали мимо дворов с резвящейся на новых площадках детворой.

Сразу за микрорайоном дорога резко испортилась: появились огромные выбоины и даже откровенные ямы. А потом асфальт и вовсе исчез, оставив проезд с огромной колеёй, на

которую и смотреть—то было тошно. Что самое неприятное — грязь была влажной. Похоже, ночью был дождь.

Я вздохнул, поставил машину на ручник и вышел, чтобы переставить переключатель обгонной муфты на передних ступицах в положение «Lock». И только после этого мы двинулись дальше.

Дорога, если её можно так назвать, упёрлась в поваленные металлические ворота. Когда-то они было покрашены серой краской, но теперь она выцвела, вспучилась от ржавчины и почти полностью опала. Преодолеть такое препятствие труда не составило.

За воротами даже колеи было не разглядеть: там, где когда-то была дорога, теперь густо росли лопухи. Но мы упрямо двигались вперёд — там, за просекой в лесу, проглядывало какое-то поле с низкими холмиками.

В просеке мы едва не встряли. Я в последний момент учуял подставу: прямо по центру трава была подозрительно низкая и неправильного оттенка.

Я остановил машину и вышел оглядеться. И действительно: буквально в паре метров начиналось настоящее болото, едва прикрытое слоем всплывшего торфяника, который порос нездорового вида травой.

К счастью, справа от болота был проход: большая, заросшая лопухами насыпь, ведущая на поле, которое нас заинтересовало.

Мы тщательно обработали друг друга спреем от клещей и

комаров и отправились пешком.

Ещё на насыпи я заметил: место перспективное. По краям поля были установлены какие-то башни, напоминающие со-
товые ретрансляторы, только более причудливые и высокие. У основания некоторых находились помещения, вероятно, предназначенные для обслуживающего персонала. А ещё – они явно были заброшены: окна щерились осколками, крыша домиков и сами вышки кое—где поросли травой и даже небольшими деревцами.

Трава в поле была высохшей и жухлой. Что очень странно – ведь только что мы ехали по влажной грязи. Может, дождь сюда не дошёл? Сразу под сухой коркой тонкого почвенного слоя был песок, куда проваливались каблуки ботинок.

В воздухе был едва ощутимый запах перегретого металла, машинного масла и гари.

Мы молча переглянулись. Я жестом указал на ближайшую вышку, Соня в ответ согласно кивнула.

Не нравились мне эти вышки. Я проследил геометрию их расположения – и понял, что стояли они не просто так. Кто-то знающий разместил их таким образом, чтобы они меняли метрику силовых линий, которые мне предстояло вычислить.

Потом мы поднялись на очередной холмик и увидели источник металлического запаха.

Танки. Множество. Стоят не стройными рядами, как это бывает на заброшенных базах хранения и танковых заводов,

а вразнобой, напротив друг друга. Как будто кто-то бросил машины прямо посреди крупных танковых учений.

Впрочем, учений ли? Я пригляделся. На некоторых машинах, несмотря на ржавчину и другие следы, оставленные временем, отчётливо просматривалась копоть. Часть стояла без башен – которые тоже валялись в беспорядке на поле.

Мы снова переглянулись. Было ясно, что надо уходить. Но любопытство оказалось сильнее. Мы направились к ближайшему подбитому танку.

Машине досталось: левая гусеница была порвана. Механик—водитель, видимо, пытался как-то маневрировать на оставшейся – до сих пор остались следы, глубокие борозды. Но потом очередной снаряд угодил машине в бок, где уже не оставалось динамической защиты, которая могла бы спасти от кумулятивной струи.

Я забрался на заднюю часть танка, чтобы оглядеться. И тут обнаружил ещё один неприятный сюрприз. Кто-то из членов экипажа пытался спастись в последний момент. Скелет в истлевшем комбинезоне свешивался из башенного люка. Шлема на черепе не было – он упал вниз, под катки. А из глазницы погибшего росло какое-то растение с красивыми розовыми цветами.

– Твою ж налево! – выругалась Соня.

– Могила, – констатировал я.

– Валим отсюда, а?

– Надо бы... – согласился я, – но, знаешь, что странно?

Вот этого всего – я обвёл рукой поле с танками – быть не может.

– Почему? – удивилась Соня.

– Это Забайкалье, блин! Не Украина и не Кавказ, – ответил я, – тут не было никаких конфликтов, где могли бы участвовать современные танки!

– А они современные?

– Тэ—восемьдесят и тэ—девяносто, – ответил я, – да, вполне современные.

– Заброшке лет двадцать минимум, – ответила Соня, – тогда уже были такие?

– Я не специалист, но вроде да.

– Кажется, мы с Китаем Когда-то не сильно дружили... – неуверенно заметила Соня.

Я вспомнил про Даманский. Когда это было? Шестидесятые? Впрочем, не важно – отсюда до Амурской области далеко.

– Это было давно и неправда, – ответил я, – стражи не активны днём. Давай хоть осмотримся. Только осторожно. А?

Мне очень хотелось осмотреть те вышки. Было в них что-то необъяснимо—притягательное.

Соня внимательно посмотрела на меня и отрицательно помотала головой.

Я вздохнул. С сожалением взглянул на ближайшую вышку и, понутив голову, поплёлся в обратную сторону. Соня шла

рядом со мной.

– Что куратору скажем? – спросил я, огибая очередную воронку.

– Правду, – твёрдо ответила Соня.

Я хотел добавить, что, возможно, не всю правду. Но тут вдруг услышал какой-то прерывающийся шум, похожий на рокот большого движка.

– Стоп! – сказал я, – слышишь?

Соня огляделась.

– Там, – сказала она, указывая на северную сторону поля. Среди черных и рыжих пятен уничтоженной техники что-то двигалось. Довольно быстро. И явно в нашу сторону.

– Бежим! – воскликнул я.

Соня не заставила себя долго упрашивать.

Гул за спиной нарастал. Я не оглядывался, чтобы не сбиться с ритма – но это ощущение приближающейся опасности сводило с ума. В какой-то момент оно вдруг стало нестерпимым. Не отдавая себе отчёта в своих действиях; в каком—то беспамятстве, я схватил Соню и повалил на дно очередной воронки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.